

18+

**Дневник
школьника
56-57 года**

Юрий Бевзюк

Юрий Бевзюк

Дневник школьника 56—57 года

«Издательские решения»

Бевзюк Ю.

Дневник школьника 56—57 года / Ю. Бевзюк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987976-9

Записи старшеклассника середины 20-го века. 1957—1958 года. О том, как великий отрок попал в разлом времен хрущевской оттепели...

ISBN 978-5-44-987976-9

© Бевзюк Ю.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Дневники	7
1956 год	30
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дневник школьника 56—57 года

Юрий Бевзюк

Дизайнер обложки Евгений Сазанов

© Юрий Бевзюк, 2020

© Евгений Сазанов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-7976-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

11.14... Особо ценен мой школьный дневник:
в нём зафиксирована
стремительность умственного моего развития

47 спустя лет, в 2004-м, – на пишмашинке,
с комментарием от тогдашности переписан, —
и оцифрован племянником, – им же отпечатан на принтере...

...Но вот сейчас, когда представилась возможность публикации *на весь мир*, —
та оцифровка не нашлась! Приходится заново...
По с точкой пунктуации присылает мне оцифровку
на редакцию мой выручатель Евгений,
с точкой переписывая

Я было мирился, удаляя точку от курсора лишь по-близости:
мол, содержание де не меняется даже незначительно!
но час назад таки позвонил, чтобы не делал лишнего!
Здесь ведь дело принципа:

с 2004-го года столь много писал, —
что, наконец-то, возмутился:
***точка-то зачем, когда ясно, —
что если за пробелом буква большая, —***

то предыдущее предложение – закончено!!!

У меня лишь в последние 7 лет
пунктуация без «точки» выработалась...
...Но что удивительно?

Ведь писали многие и поболее моего, —
но почему только я возмутился?
Знать столь велика над человечеством власть даже вредно-лишней привычки

...Притом что никакое предложение (мысль!) —
не кончается «точкой» категорически... 12.10

5 мая 2020., 6.36 ...**Лет человеку жить лишь 70, по библии; при крепкости – до 80-ти; при крепкости особой – и до 90-ста вытянешь; до 100-та – при крепкости лишь исключительной 6.47 ...7.03 ...при обстоятельствах, особенно счастливых ...и вряд ли будешь рад столь жизни длительности 7.08**

7 мая 2020, 10.41 ...**Всё чаще в старости начало жизни вспоминается**, – было оно у меня *особо счастливо* сначала (уже описано не раз, – найди, попробуй-ка те записи, однако!); но время было послевоенное тяжкое ...с класса первого ощутила его тяжесть ...и тоже описано неоднократно...

Дневники

Путь в школу от выхода переулком с оврага мимо дома Наймушиных слева был почти одинаков пути справа, разве нижним, левым, немного высоты терялось Вернее, немного высоты – метра два всего – терялось как раз путем правым, но левым приходилось брать перед выходом на спуск пологий уже к школе довольно крутой взлобок, им выходить было все же ниже немного. Правым путем ходил сызмальства, как только можно стало доверять мне карточки, за хлебом для всей семьи, каждый день к хлебному магазину на Черемуховой. Смутно запомнились мне эти карточки, смутно запомнился и тот длинный проход в бараквидном доме, которым надо было проходить с торца барака к хлебному, причем спускаться немного вправо вниз, – и магазин был длинный, темный: дома того давным-давно нет, как и всех частных – всё там безбожно загажено многоэтажками, – остался лишь след в памяти. Чуть еще выше этого пути была «вышка» парашютных прыжков, а потом базарчик на пологом склоне под вершинкой, потом огороженный двор каких-то складов. Мимо этой «вышки» через довольно крутой, но невысокий каменистый хребет выходил на пологий склон на юго-запад, на короткую улочку старых домиков, в конце которой, на перевальчике дороги от Диомида к Чайке была небольшая продуктовая база, во дворе которой меня как-то летом 47 года чуть не задавили в огромной очереди за ржаной мукой. Этот набитый до отказа кричащими, с выпученными глазами людьми, глухой двор с высоким сплошным забором тоже запомнился страхом: как мне туда идти, пробиваться к очереди, занятой отцом, чтобы взять побольше темной муки – давали по 5 кг на одни руки: мне тогда оттоптали, так что долго болели, – ступни. Теперь на месте той базы тоже что-то есть – она на самом хребетке, но теперь еще и на высоте с шоссе метров в пять: хребет был подрезан потом бульдозером при благоустройстве шоссе от Диомида на Чайку. Ниже этой базы дальше к Чайке возле дороги росла толстая, но не высокая липа с огромным дуплом внизу (еще одна такая, чтобы не забыть, была на Малом Улиссе, за поворотом дороги через линию от Окатовой на Трудовую), метрах в 70-ти за липой был у дороги кирпичный или бетонный, скорее, магазинчик всякой химии, керосина и прочего

Другой хлебный магазин был, если следовать от Диомида по дороге, а теперь асфальту, за кинотеатром имени «Фрунзе», в длинном приземистом бараквидным, но кирпичном одноэтажном здании. Далее тоже справа такое же кирпичное здание – видно, казармы какие-то еще дореволюционные – и в нем тот самый хлебный магазин, но ходили к нему, разумеется, не через Диомид, а напрямую через перевал: с Двухгорбовой подъем был относительно пологий, а спуск в сторону Золотого Рога крут, так что назад с хлебом, а когда подрос, лет с 14-ти, то и с мешком соевой муки кг в 30, было хорошей тренировкой ног и дыхания. Теперь там прямо вниз не пройдешь, пришлось зигзагом между настроенными там 5-ти-7-миэтажками, когда менял паспорт недавно на уже с «лобковой вошью Ельцина» – двуглавым орлом... Там теперь милиция и казармы, кажется, внутренних войск – раньше милиция была на Черемуховой чуть выше 27 школы, а через дорогу был военкомат – теперь военкомат занимает и здание бывшей милиции. А о внутренних войсках при милиции тогда и подумать не могли

А от дома Наймушиных путь в школу слева шёл вдоль оврага вниз двести метров и поворачивал направо на широкую улицу, где посередине, метров через триста Сидоренки, земляк отца, сложенья богатырского широколицый главою семьи, – через широкую улицу жили Дочку их, лет моих лет, помню светленькую, не особо красивую; на ощутимом уже подъеме подходил переулок через верхнюю улицу – к большому дому Мищенко, оттуда ненормально большеголовый мой ровесник вынес как-то с чердака, желая что-то подарить и, зная мою страсть к чтению, маленькую книжечку в тонкой обложке, на которой желтыми буквами было написано «Евгений Онегин»...

...И я сразу ощутил нечто сакральное в этой книжице, что-то успокоительное, надежное в стихах, несколько, конечно, не по возрасту. И столь отдаленное по образу жизни героев, который только много потом можно было понять, но, конечно, не принять: это было где-то в 5-ом классе, а «Евгений Онегин» проходили аж в 8-ом, несмотря на непонятность, отдаленность дворянской жизни от жизни тогдашней, бедной и трудной нашей...

Бывший кирпичный одноэтажный кинотеатр имени Фрунзе давно снесен при расширении шоссе, теперь через шоссе от бывшего места его большая бензозаправка. То был единственный кинотеатр в районе, там, помню, выстаивал огромную очередь на «Тарзана» в конце сороковых. Ходили еще в клуб завода №92, где потом был радиозавод, да в ранние годы мои тяготеющие к Улиссу улицы ходили смотреть кино на открытую площадку бригады подводных лодок, пока ее территория не была огорожена миноловными заграждениями – сетями из колец из стального троса миллиметров в 20 толщиной, подвешенный на вбитых в землю рельсах на небольшой, впрочем, высоте, легко было перелезть. Взрослые ходили, пока не выставили ограждения, на открытую площадку под склоном – путь этот с наших улиц был романтичен: сначала до площади Окатовой мимо ужасных засыпных барачков на Кипарисовой, потом между огородами до перевальчика на отрожке хребетка, потом вниз некруто тоже огородами, а на подходе к бригаде лесом из невысокого дубняка. Перед бригадой был крутой спуск и вскоре чуть ли не врыта было в склон кирпичная кинобудка, а ниже скамьи вниз к экрану. Наиболее мне запомнилась там экранизация пьесы Горького «Враги» – это уже лет в 13 оказало на меня мощное идеологическое воздействие. Вздохла тогда, врезалась в память оценка героя – рабочего-революционера – симпатичной, серьезной героиней пьесы: «Такие люди победят!». (И победили!) [И еще не раз победят! 9 мая 2020] Раздумчиво так, без восклицания сказано артисткой – немало юных сердец завоевала эта фраза, и экранное ее воздействие, несомненно, сильнее печатного и театрального. Написана пьеса задолго до революции. Идеологическое* воздействие основано на примеси сексуального: «слабому» полу принадлежит от природы право выбора и оценки, и Горькому это здорово удалось... В холодное время года пацаны ходили и в клуб Бригады, внушительное высокое здание с выбеленными колоннами у входа, как-то дико выглядевшими почти в лесу, выделявшимися белизной. Подобной архитектурной роскоши в стиле классицизма не было больше нигде на Чуркине. Из просторной, с высоким потолком столовой выносились после ужина матросов столы, приносились скамьи и крутили кино, пацаны туда проникали, их не гнали. С этими вечерними сеансами связано сильнейшее переживание отрочества, подробное описание которого вскоре

* На съезде партии 20-м – не Сталина «культ» Хрущёв, хитрый дурак, подрывал, – на всей Земле он правду в подпол загонял!...

Из школьного за все 5 лет первых не запомнилось ничего радостного, за исключением разве первого чувства к представительнице противоположного пола Вшивцевой Соне, самой хорошенькой до старших классов. Чувство это возникло не позднее второго-третьего класса и грело меня, как-то привлекая к школе, класса до 5-го, когда ей обрили волосы на голове, обмазали зеленкой, и она долго носила берет; к тому же меня сильно отвлекли негативные эмоции; потом она как-то посерела, а после окончания школы как-то рано располнела и уже тогда вышла из круга моих предпочтений. Я, впрочем, никак своего раннего чувства к Соне не обнаруживал. Она была шатенка, жила на том самом спуске крутом от Двухгорбовой к Фрунзе, там было семейство по обе стороны прохода вниз, между темных двухэтажных барачков. А до них, на самой бровке справа, если от Двухгорбовых, был длинный приземистый частный дом на два хозяина. Со стороны, если можно так выразиться, дороги начала, то есть спуска вниз, от которого вскоре поворачивали вправо, если шли на Мальцевскую переправу, жил Женя Еременко, который учился со мной с первого класса и фигурирует ниже в походе «Владивосток-Хабаровск».

ровск» в 56-м, после 9-го класса, – вход был с торца. А дальше Лида Обидченко, вход к ним был со стороны улицы, которая тогда заворачивала за сопку (там теперь шоссе, огибая от «Рыбацкого хлеба» и магазина стройтоваров сопку по Запорожской на путепереход над ущельем, по которой проходит железнодорожная ветка на Улисс и далее на Луговую кратчайшим путем в город с Чуркина; как раз напротив бывшего дома Обидченков-Еременков через шоссе теперь оскорбляющая мои – воспоминания, – и, несомненно, еще многих, – церковь) ... Шоссе то ведет на путепровод через ущелье, кой появился недавно, – а то приходилось в молодости много раз топтать железкой до этого самого ущелья, возле которого кое-кого даже убили, а побольше, конечно, ограбили

Однако, далеко я отъехал от Лиды Обидченко, которая все начальные классы сидела на первой парте среднего ряда, а я за ней. Она была светленькая, несколько крупноголовая, с овальным лицом, голубоглазая, на одном виске было овальное нарушение кожи диаметром в полтора раза побольше пятаяка, то ли ожег, то ли еще что (но без покраснения). К ней особых чувств не возникало, ровная такая привязанность к ее скромной, тихой женственности, кой был дефицит в моей семье. Она тоже шла со мной до 10-го класса, и все хорошела, голова ее с возрастом стала соразмерной, фигура не запомнилась, как не запомнилось ничего в связи с ней, настолько она была тихая и скромная. Тем удивительнее мне было услышать лет уже в 15 от совершенно незнакомого ласкового парня, с которым разговорился как-то возле того дома на отшибе – просто шли, я, помнится, снизу, от Фрунзе, он сверху (или наоборот, или я догнал его – я тогда ходил быстрее других) – и он совершенно без всякого повода и мне, совсем незнакомому, поведал, когда проходили этот дом: «Хорошая девочка тут живет, не ломается... дала... тут парню из ПТУ» (и он рассказал, как тот пэтэушник расстелил свою шинель в огорожке напротив или даже просто под забором и недалеко от калитки и т.д.). Я помолчал и подивился – чего уж тут хорошего? И сразу подумал, что пэтэушник мог просто ослабить ее потому именно, что не «дала», а этот ласковый совсем уж скотина, раз пересказывает сомнительную историю первому встречному. Ну а я с тех давних пор никому и ни намеком, а здесь поведал лишь потому, что именно так я постигал людей, их «менталитет»: неспособность то есть размыслить, чем чреваты последствия этого «давания» девушке – полная неспособность встать на место женщины, – и такое встречалось до и потом неоднократно...

Такой ласковый парень походил этой ласковостью и интересом к чужим сексуальным тайнам на парня тоже двумя-тремя годами старше меня – Вовки, как тогда называли, Пилипчука, жили они выше по Двухгорбовым вниз через улицу налево от домика бабушки Антонины. Этот тоже был с сексуальной озабоченностью, но конкретно ни на кого не говорил, жаловался только при встречах на «молодежь», что помладше: «Перепортите всех девок» – я на эту тему помалкивал и недоумевал – откуда у него такие опасения, – он охотно и терпеливо слушал мои суждения о политике, истории, но всякий разговор сворачивал на половое, тогда я замолкал, да и о чем было говорить, девок-то в округе почти не было

...Но забегаю вперед – еще не выбрались мы из детства. Его почти нечем вспомнить, если б не пастьба коров три или четыре лета. Почти каждая семья в округе держала коров, благо вблизи была «зеленая зона», в общем сохраняющаяся и поднесь, разве что со стороны Кипарисовых улиц и к бухте Анны поужавшаяся под застройку сначала деревянными частными домами, а потом и многоэтажками. А в конце сороковых – самом начале 50-х там были огороды, между ними широкие межи – по ним-то я и пас сначала на веревочке корову, которую родители завели еще когда жили у бабушки, в 47-м году. Лето того года я пронянчился с недавно родившимся (в конце 46-го) братом Толей, сильно, естественно кричавшим у такого няньки – часто его оставляла мать, уходя помогать строившемуся поблизости – на 2-й Двухгорбовой – отцу запомнилось, что сильно хотелось побегать с мальчишками. А вот с весны 48-го я точно пас корову на веревочке – один или с мальчишками чаще, – но запомнилось именно

один, туман весной, морось, тишина, корова жадно хватает только чуть подросшую траву, моя задача следить, чтобы не потоптала только взошедшую чужую картошку. Пацаны лет в 9 приучили уже курить, так что по пути мимо бараков на Кипарисовой подбирал окурки и докуривал самую пакость. Правда, курил немного и лет до 13, когда, обеспокоившись каким-то слабым уколом в груди, не бросил разом – до 20-ти, потом возобновил от скуки подготовки к сессии на заочном, но курил всего раз 5—7 в сутки и бросил в 40, летом 80 года, разом и навсегда...

Мать старалась, конечно, пускать не одного, а с кем-нибудь из ровесников. Летом 47 года в леску выше бригады старшие мальчишки, у которых заводилой был Васька Богацкий, – чуть «в шутку» было не повесили меня – помню, отчаянно сопротивлялся, кричал, вырвался как-то – и вечером, очевидно, пожаловался отцу, понимая уже, наверное, уголовность того случая. Тот немедленно побежал к Богацким, взяв меня, ругался с ними, громко орал, двигая кадыком на худой жилистой шее – по этому казусу приходится поправить, что корову я пас уже в 47 году летом, так как в 48-м у нас была уже другая округа и Богацкие были уже не близко, где-то в километре рассояния – и коров гоняли уже компанией побольше, в 5—6 ровесников или около, на Малый Улисс – по пути еще присоединялись мальчишки с коровами, и набиралось стадо до десятка голов. Потом мы отсоединялись на пастьбу группами по 2—3 (большими группами коровы бегут одна перед другой, но мы этого не понимали); на обед собирались в леску между насыпью «железки» и бассейкой, приходили наши молодые мамы с подойниками, приносили нам поесть. Бассейка метров 150x100, на месте которой теперь завод жеезобетонных изделий, была сразу от берега довольно глубокая, приходило купаться много взрослых, немало в ней и утонуло – каждый год спьяну топли, а пили еще не так, как потом... Пацанва в жару из воды не вылезали, там меня в первое же лето, еще не было восьми, научили плавать, просто затащили в шутку на глубокую воду мальчишки постарше – и я поплыл пособачьи. Чтобы не забыть – была еще одна бассейка в пади, что у бухты Диомид, между дорогой (Калининской) и (под) Поселковыми улицами – дамба была у завода №92. На месте той бассейки давно уже корпуса завода Радиоприбор, а в годы моего детства, там тоже купались, правда, она была помельче, заплывала наносами ручья уже, и в последние годы перед засыпкой, когда я был уже в старших классах, там было по колено, грязно и взрослые не купались

[На днях услышал на Свободе: тонут-де у нас пьяными в 300 (!) раз больше чем на Западе. Такое просто немислимо – ну втрое, впятеро, ну в 10 раз больше. Не так уж сильно люди отличаются, ну, там лучше спасают. У нас больше всяких безлюдных вод, потому и хуже спасают, тонет больше, но не в 300 же раз! Любят оттуда по всякому поводу подчеркнуть наше якобы бескультурие... Но тонут: вот из 25—30 охотников, которых знал близко по Совгаванскому госпромхозу, утонуло около пяти (лет на 10 назад сведения последние, еще, наверное, утопли, но не знаю) – и все по пьяне, по лихачеству на моторках.

Когда эти бассейки к концу 50-х годов засыпали, тонуть в них пьяные перестали, зато население лишилось зимами превосходных катков: катались и млад и стар, и много приходило, и я в том числе...

В бассейку на Улиссе впадал ручеек со стороны Учебки (готовили младший комсостав флота), небольшой, но с чистой водой, под камнями водились небольшие рыбки типа вьюна, называемые почему-то семидырами – никаких дыр на них не было (они на порох снарядный ходили). Рыбок этих, до 6 см длиной, узких и тонких мы вылавливали в консервную баночку просто так, потом выпускали – они, якобы, были ядовиты. Года через три в ключ прорвалась канализация из Учебки, рыбки исчезли, на ручей уже не тянуло и вода стала синяя, вонючая, но в бассейне все же купались сколько помню – основной его водосбор был с долины на восток от шоссе, справа, если в город, за хребтом, морское кладбище, тогда еще не переползшее на улиссовскую сторону. Возле той достославной бассейки мы крутились всего одно

или два лета, казалось далеко до бухты или родители запрещали, но по мере взросления наши интересы перемещались на бухту Малый Улисс и дальше на Улисс Большой. Туда и дальше вела железнодорожная колея до угольбазы на мысе Назимова. Туда же вело и шоссе, линия и дорога от переезда идут близко, но немного, метров 200 не доходя до места, где кончается забор заводской почти вплоты к линии, шоссе взбегаёт на крутой взлбок и отходит недалеко от линии, под которую с немалыми, видно, трудами ещё до войны отвоевали у бухты в скалах место у довольно возвышенного, метров 15—20 обрыва. Сквозь трещины в скале в нескольких местах пробивались роднички, а на узком, метров в 30—40 увале до шоссе рос густой низко-рослый дубняк, он же, разумеется, был и за дорогой, плавно поднимаясь на довольно высокий залесенный отрог, на верхушке которого «примерно в километре-полтора и расположено знаменитое морское кладбище. Теперь оно расплзлось с верхушки во все стороны

В улиссовском лесу коров мы пасли года до 52-го, потом нанимали всей округой пастуха, голов 20—30 он пас, а мы уже просто гуляли по старым местам летом

Позднее, лет чуть не до 20-ти я там всегда находил грибов достаточно на жареху. В наши годы там не было никакого подроста внизу – все съедал скот, но прошелся как-то во второй половине 70-х – уже везде подрост, появился кустарник: коров у населения не стало]

С бухтами Улисса и особенно Малого у меня связаны самые светлые воспоминания отрочества. Правда, в лето 53-го, у нас отнюдь не холодное, там произошли драматические события из-за моего повышенного самолюбия, но о них впереди. Под обрывом на железнодорожной линии, имеющей южную – юго-западную экспозицию, всегда после полудня было тепло в заветрии из-за близости довольно высокого хребта на другой стороне бухты с юга, где мыс Назимова. ... Навсегда осталось в памяти успокоительное: ... я один, зной, но свежо от бухты, тихо Кузнечики только залиvisto стрекочут в траве, обочь насыпи на ней редкий невысокий хвощ или, скорее плаун, от шпал пахнет смолистой пропиткой, воздух над нагретыми рельсами струится...

Между бухтами Малый и Большой Улисс был и, наверное, ещё есть большой Т-образный пирс (только ножка у той Т короткая, а на вершине длиннее, или были они одинаковы. На этом самом наверху буквы «Т» (без концевых загибов) стояли большие бобы для поднятия затонувших судов, наверное, ещё древнего ЭПРОНА, славного в 30-е годы, но теперь я даже не расшифрую это сокращение: эта организация занималась подъемом затонувших судов прикреплением к ним наполненных водой этих огромных цилиндров, а затем воду выгоняли сжатым воздухом, – и обретшие плавучесть, подъемную силу бобы поднимали судно на поверхность воды – это тогда, в начале 30-х, было одним из чудес техники, им развлекали в прессе внимание населения неимением других развлечений – прыжки ещё с парашютной вышки, уже упомянутой... К наверху буквы «Т» параллельно к берегу на значительной глубине, подходила от берега нога из бетонных плит, которые лежали на бетонных же блоках, в довольно больших, сантиметров в три-четыре, щелях которых водились ерши. Нижние блоки были пошире верхних сантиметров на 30—40 и слегка возвышались над водой, так что при волнении немного захлестывало; там можно было кое-как удержаться, согнувшись под плитами подъезда к пирсу. Там я ловил напригляд ершей. Занятно было видеть, как кубастенькие, сантиметров до 15-ти длиной темно-коричневые рыбки медленно и осторожно выходят из вертикальных щелей между бетонными блоками и хватают наживку на крючке, сделанном тут же из булавки и привязанном к какой-нибудь подручной нитке. Поймав штук несколько, варил в консервной банке вкусную уху – мясо у ершиков было нежное, вкусное, белое...

[Невдалеке от Тэобразки, почти у воды бухты, лежали старые шпалы; из трёх, в, лет 11—13, плот сбивая, – до середины бухты Улисс Малый отплывая, – рыбачил: поймал как-то большого бычка в начале (у него довольно вкусное мясо) ... и несколько потом камбал ... На том пирсе безлюдном всегда: за многие посещения в детстве – и потом неоднократно, – буквально никого не встречал ни разу!

И впечатление незабываемое в лето 52-го, мне месяца два до 13-ти лет ... В бухту скумбрии зашёл косяк гигантский! Еще до меня, случайно, по лесу гулявши, – на Тэобразном пирсе оказался; загнул крючок я из булавки, бечёвка там какая-то валялась, – разрезал на кусочки первую рыбку поймавшуюся – потом наживлять перестал: хватало – и крючок воды коснуться не успевал! ... На насадку на кукан лишь время тратилось! ... И надо же! Оборвался, к немалой моей досаде, под тяжестью 5-7-ми килограммов скумбрий пойманных, через полчаса кукан, весь улов расплылся! ... Но рыбки изумрудные всё проносились мимо пирса слева вправо стремительно: еще через полчаса снова уже столько на уже надёжную бечёвку наловилось ... не менее кг восьми! ... До сих помнится ощущение тяжести в руках – и рябь в глазах от изумрудного сверканья ... Был кто-то до меня там с утра, – оставил кто обрывки мне шпагата; не знаю кто-то ... и, может, много меня старше ... так что один наверняка... столь радостное вспоминаю...]

... Не доходя метров ста до той «тэобразки», был метрах в десяти от берега скособоченный слегка бетонный куб с гранью метра в полтора, с огромным вбетонированным кнехтом – массивным таким чугунным крюком в виде вытянутого вдоль берега и к берегу гриба, чтобы не выскочила петля троса при зачаливании судна. Со стороны моря от шляпки гриба было как бы отщипнуто полшляпки. К этому бетонному кубу от моря шла гряда камней, видимо, накиданных, чтобы пробраться к кубу, в отлив камни почти обнажались, но и в прилив было не выше колена, можно было добраться, засучив штаны – а разуваться первые годы пастьбы коров не приходилось: ходили всё лето босиком. Мористее куба было уже больше метра глубины с трех сторон и там, в густых водорослях водились чилимы. Сначала мы их ловили в продырявленные консервные банки, привязанные к бечевке (на дне банки закреплялся кусочек тухлой селедки, которую всегда можно было подобрать возле недалекой солдатской столовки, в которой мы и сами нередко доедали за солдатами супы и каши. Шевеля длинными усами зеленые чилимы (креветки) медленно выплывали из зарослей морской травы. С замиранием дыханья ждешь, пока чилим заберется в банку, затем медленно, чтобы не спугнуть его, тянешь баночку вверх из воды. Поймав с пяток-десяток чилимов, тут же варил их, причем из зеленых они превращались в красные, как раки – вкуснее лакомства и не сыскать. ... Чтобы покончить с чилимами – как-то с братом Сашей уже глубокой осенью, чуть ли не в начале ноября, мы залезли в полузатопленную с юга от «тэобразки», между наверхом и ножкой деревянную шхуну или баржу (были еще, доживали в таком состоянии век деревянных судов!). Там в полузатопленном носу внутри мы увидели множество чилимов, да покрупнее тех, что ловили с кнехта в баночку, а потом и в кружок из проволоки, обтянутый сеткой! Те были сантиметров в 8—10, а эти до двадцати, да потолще соответственно. Зачем они туда забрались перед зимой, вода там замерзнет – мы не задумывались, возможно, кто-то бросил туда какую-то тухлятину. Мы стали ловить их прямо руками, у меня пальцы скоро заоченели, да и весь зазяб, обезволил, а братишка мой, почти на два года младше, проявил упорство, выловил почти всех чилимов, передавая их мне. Может быть, тогда меня расслабила погода, к переменам которой я как себя помню, чувствителен, а на брата погода не действовала, но ему-то было всего 12, а мне как-никак 14. Он и раньше, лет с 9-ти, проявлял упорство, я отметил это при растаскивании навоза весной на огород по довольно крутому склону с большой кучи, накапливающейся за зиму после коровы. Отец сделал специальные носилки, ручки которых с одной стороны были раза в три короче, чем с другой, – там брался я и шел сзади, внизу, а брат впереди, компенсируя тогда зна-

чительную разницу в росте. Огород-то был длинный и на порядочном склоне. Ручонки у брата тонкие, носилки тяжелые, я, помню, разморюсь в апреле, когда пригревает, да еще на погоду, а брат хоть бы хны, и меня понукает, первым берется за носилки. Навоз солоmistый мы разносили кучками равномерно по всему огороду, а потом закапывали – и тут уж я, бывало, удивлял в 14 лет отца: за год я как-то не только вытянулся, но и окреп, что пригодилось мне в последующих баталиях лета 53-го и, главное, позволило мне выделиться на кладке копен в колхозе через год, – что в немалой степени способствовало моему, без преувеличения, судьбоносному выдвижению осенью того же, 54-го года, секретарём комитета школьного комсомола. Об этом в свое время, а прежде чем приступить к первому, покончим с коровами, которых в 53-м пас уже пастух. С коровой было много возни и помимо пастьбы, воду ей, да еще свинье (семейке!) носить было на мне, выгребание навоза, упомянутое уже растаскивание его по огороду. Навозу солоmistого после зимы целая гора, нелегко раздирать его вилами, тащить наверх... Да еще на мне стало последние хозяйства годы таскать от Фрунзе корм для коровы, свиньи и кур

Летом года 52-го светлым завершилось позднее детство и отрочество раннее... Лето 53-го началось нелепостью: отсмотрев в клубе бригады подлодок на Улиссе фильм о партизанах, в отряд которых затесался провокатор, – наутро мы, до 4-5-ти ровесников, – на желдорнасыпи собрались, где кончается завод 602 – и метров триста до Тэобразного пирса, – и стал я дурачиться, того провокатора мимикой изображая... И вот узнал, что похож лицом на того симпатичного гитлеровского агента, – и, главное, – какую у ровесников вызываю зависть: не запомнил кто крикнул из них: «Провокатор!»; на первый раз не стал паршивца бить... не сохранив, однако, невозмутимости, – да и вряд ли помогло бы: учуяла слабость стая завистников: на другое же утро начала меня травить, из неё выделившегося. Это было сродни древней инициации, проверке на прочность – прошел, значит, чтобы вожак, как и произошло в масштабе уже школы и даже в чем-то и района

Мы пасли тогда последнее лето своих коров, потом был пастух уже. До этого серьезных ссор не было, хотя меня стали ранодразнить – сначала «головастиком» из-за большой круглой головы, «корейцем» из-за прищура, потом голова стала нормальной, вытянулась, подрос под неё и не шурился больше. Дразнили и матерным словом, созвучным с фамилией, но я «проглатывал», что ж тут поделаешь, и не прицеплялось. А тут прицепилось. А я был тогда страшным патриотом, 53-й ведь год шел, я поступал, но не был принят в комсомол после смерти Сталина в начале марта. «Толпа» почуяла слабину и стала донимать, поддразнивать – когда трое их или даже пятеро – поодиночке или даже вдвоем-втроем остерегались. Самому первому я пустил юшку Гришке Рыбалко, он самый вредный был [и умер рано, в 40] Затем Юрку Тимофеева, с которым раньше дружил (оба были начцехами в Диомидовском заводе), сбил одним ударом в воду на бухте Улисс, и тоже окровенил. «Толпа» пугалась моей внезапной ярости и не пыталась даже ответить. А я и сам не знал, что в следующий момент взъярюсь, но бил прицельно и резко, – и всегда сразу, одним ударом кулака сбивал с ног. До этого никогда – и даже не думал, что могу... к концу лета отведаль моего кулака и Кисилёнок, они жили рядом, но не близко, через два огорода. Тот угодил вниз головой в глубокий кювет дороги на большой Улисс, где она на взблке поворачивает чуть дальше того места на железке, где завод кончался и мне вдруг взбрело передразнивать злополучного того провокатора из фильма. На тот раз их было много, не меньше пяти-шести. Они окружили меня, держась на расстоянии, и мы поднялись метров на 200 по склону вверх, да, Кисилёнок сразу же выхватил ножик, как выбрался из кювета, они взялись за камни, палки, я тоже ухватил хороший каменюк. Так и сидели мы с полчаса вооруженные, я в центре, а они метрах в 10-ти каждый пока нервы у меня не выдержали, и я с рыданием «прорвал блокаду». Никто меня не преследовал, но поскольку Кисилёнок был блатной [его старший брат Кисель (от фамилии Киселев) сидел и сгинул в тюрьме потом,

и многие мои ровесники на трёх улицах Двухгорбовых], – меня стала «ловить» шпана не только с Двухгорбовой, но и Окатовой и даже с Улисса. Хорошо, что нашелся у меня товарищ – Генка Писанко, которого дразнили «жирой», он был приземист и силён, единственный сынок у мамы с папой. Простые его родители надеялись на его способности к рисованию, только у него на всех Двухгорбовых был велик, и ещё кое-что, потому шпана тоже его недолюбливала как кое-что имущего. Он в то лето огрел велосипедной цепью Маркона, верзилу года на три старше, но тоже обозвавшего его «жирой». Ровесников он вроде бы цепью не угощал, а Маркона не стерпел, его стали тоже ловить, так и ходили мы вдвоём, он с цепью в кармане, я же надеялся на камень, которых на Чуркине везде полно, не таскал с собой ничего. Так и звали нас Донкихотом и Санчопансой, однако побаивались. Злобы особой не было, но ловили, раза два или три меня предупредил братишка Саша, который со шпаной ладил, он гулёна был, хотя учился хорошо – всё давалось ему слёту в младших классах, словом, он понятен был, я уже переставал и улица это ощущала. Так и ходили мы, и к поздней осени перестали и ловить, но вздумалось мне в начале ноября пойти одному, Генки почему-то не было, в Бригаду [подводных лодок], где после ужина бывало кино для матросов, на которое ходила вся округа, дети и взрослые. На последних я и надеялся, но их никого, поздняя была осень, а шпана стояла в тени на углу клуба тесной толпой, грелись друг от друга в ожидании конца матросского ужина. Я расхаживал от крыльца с высокими колоннами в древнегреческом стиле туда – назад, не доходя метров пяти до шпаны. Сначала она была ошеломлена моей наглостью, затем слышу тихо-тихо: «provokator». Раза два пропустил, [не зная, кто вякнул] расхаживая и закипая – и надо же было вякнуть Карасенку, ровеснику, пацану совершенно безобидному, но именно на него «спустилась» моя ярость: я раздвинул толпу числом 15—20, стоявшую плотной кучкой, бедно все одетые (я получше), взял одной рукой Карасенка за грудки, подтянул к себе, и другой «сварил» так, что сразу он на моей руке наземь осел. Я – из толпы, оглядываюсь – его подняли, зажгли спичку: громадный наливаются синяк под сразу оплывшим глазом. Я – быстрее от толпы, она медленно сначала за мной, я еще быстрее – полетели вслед камни, палки. Я бежать, они за мной, но скоро отстали... Перелезши через сеть противолодочного загрязнения, я сел на землю, подождал Ваньку: – Чего бежишь? Еще хочешь? —

– У тебя пятак есть накрыть синяк ... а то отец бить будет...

Разжалобился я, и очень расстроенный пришел домой и встревоженный, [Тогда ведь было строго, чуть что – и посадили даже и в 14 лет, лишь бы придраться было к чему, по глазу все же «сварил»]...

Следующим летом брат Карасика, большой Карась на побывке из армии встретившись на подъеме с Улисса, спросил: «Ты Ваньку бил?», и не дожидаясь ответа смазал меня чуть-чуть двумя пальцами по щеке. [Вовка Пилипчук, парень годами двумя-тремя постарше стоял в стороне, да и слишком быстро большой Карась ушел дальше вниз].

С той поры никого не бил, и лишь однажды, в 9-м классе уже, как-то боксировал в честь покупки боксерского снаряжения с одним амбалом из класса младше, но явно тяжелее и сильнее меня, и заметил, что он закрывает глаза. Я задел его перчаткой слегка, он отлетел всей тушей на гимнастическую стенку, аж задрожала, я ещё – он снова спиной на стенку, а потом разозлился, размахался ручищами и меня тоже задел слегка, голова загудела – выйдя вниз из школы обнаружили, что он забыл сумку с учебниками, я шапку, или наоборот.

В 10 классе у нас объявился чемпион края среди юниоров Каплан, первый год в школе, перворазрядник по боксу. Занимался их 10-й класс в актовом зале, на сцене они устраивали турниры, две пары боксёрских перчаток так там и висели. Каплан всё уговаривал меня побоксировать с ним, я отнекивался, но тогда и долго ещё потом уговорить меня было не трудно – согласился. И вот Каплан прыгает вокруг меня, я в глухой защите, руки то есть прижаты в перчатках к подбородку, голова лбом вперед. А сам он приоткрылся, и я слегка зацепил его в подбородок, сам не помню как [сработала, видно реакция, которая не подводила меня и потом

все 11 лет в тайге, когда работал штатным охотником, да и до охоты походов было не мало. Привычка похвалиться не оставляет до старости], а тогда, свалив чемпиона, оторопел: вдруг вскочит и выдаст мне по первое число! Но лежал он все положенные до нокаута секунды, я тем временем ретировался, выходя из зала оглянулся (чемпиона поднимают с пола вялого очень). Тогда я всерьёз задумался о том, что легко и убить человека кулаком, грохнется на камень головой и всё – и ты пропал [тогда не разбирались что к чему: лагеря алкали непрерывного пополнения. Это я понимал уже и в 53-м, а в 56-м тем более: не о лагерях, – почему были они, конечно, а что очень легко сажали. Но вернёмся к тогдашнему дневнику]

Надо сказать только, что меня не бил, кроме пощечин от отца, никто, тем более не сбивал с ног Только однажды получил увесистый удар по затылку.

В конце декабря 53 года, перед самым новым годом, вдруг кто-то выключил сразу после окончания последнего урока свет, я несколько помедлил за партой и получил тяжёлый удар сидя по затылку, свет включили и я увидел как Тарас, мой вроде бы приятель, тоже слегка стукнул по плечу на пути выхода со своей «Камчатки». Кто бил, сразу объявил Кочетков, недавно прибывший некрупный паренёк, преуспевавший по алгебре, сын капитана 1 ранга, смелость, видимо досталась ему от отца: он был вдвое меньше Максима. А подговорил Левченко. Ну, что от него этот удар, нетрудно было догадаться – Павлик Левченко великовозрастный, четырьмя годами старше меня, он в шестом твёрдым хорошистом был и притом «аккуратистом», как классная на родительском собрании сказала, а отец мне, – а тут в седьмом я вдруг всплываю на первое место. Он хорошего роста был, соразмерный и даже бы красивый, с румянцем на щеках, слегка рыжеватый, – а поведение бабье было, любил шушукаться, сплетничать, особенно со своей ровесницей Кравченко, интриган от природы был. Он и подговорил – и наверняка подкупил! -туповатого, но шкапистого Максима «отметелить» меня, приложить свою тяжкую длань к моему затылку; аж у меня «искры посыпались» из глаз, хорошо, что моментальная реакция, не весь удар голова моя приняла, подалась книзу. А Тарас за ним лишь слегка меня по плечу, его я уже видел сбоку.

На следующее утро у входа в школу подскочил при толпе к Павлику, изобразил ярость, замахнулся – он побледнел со страху, отшатнулся. Он трусоватая такая цаца был; конечно, он и с двумя такими подростками, как я тогда, справился бы, не будь бабистым таким.

Так я познал сразу и интриганство и предательство: это необходимые к дневнику добавления, чтобы можно было представить, какой же отдушиной стал для меня колхоз летом 1954-го. Но вернёмся к дневнику]

Несмотря на все эти баталии, в которых я ощутил тяжесть своей длани, сердце у меня было мягкое, обиды прощал быстро и подлости всякие, и был влюбчив, правда слегка, так себе, то одна нравилась, то другая. Не на ком было остановиться.

Несмотря на малость лет, я уже думал по-взрослому и жаждал знаний и свободы. Вместе с тем твёрдости не было, силы воли, излишняя стыдливость мешала и наивность ещё. В 6-м классе я начал преображаться. Преодоление заикания потребовало воли, надо было подавить волнение при выступлении перед классом, конечно, для этого надо было твёрдо знать о чём говоришь. Во-вторых, стал усиленно читать политические, экономические брошюры и уже во 2-й половине уч. года делал доклады о международном положении. В 3-х, уже к декабрю 52-го вдруг стал понимать геометрию и без труда решать задачки по ней, правда, алгебра ещё затрудняла, а по геометрии просто видел решение. К концу года стал гораздо лучше говорить [Надо сказать, мне очень помогла наша классная, по русскому и литературе. Такой внимательной учительницы до того не было. Да и потом не встретил: она похожа была на «Кружевницу» Кипренского, яркий очень румянец, круглое лицо и полноватая ладная фигурка, весьма, как теперь говорят, сексапильная, а попросту она восполнила пробел женственности в моём детстве: сестёр не было, на улице почти все пацаны – восполнялась убыль мужского пола в недав-

ней войне. Но доброты её хватало на многих, я в ней тогда нуждался и она уделила, – а я тогда, в 56 году не записал даже её имя-отчество-фамилию, считая, что не забуду никогда! Забыл. События колхоза, секретарства и конфликта с учителями в 10 классе, фамилии предыдущих учительниц зачеркнули, но не их образы. Математичка тоже была красивая, но в другом роде – высокая, стройная, ноги вместе как-то особенно, сдержанная, цвет лица ровный, золотистый слегка, кожа матовая. На контрольных она подходила и заглядывала в тетради тех, от кого ожидала решения. Ко мне чаще всего. Как-то подошла, стала рядом и заглядывает, наклоняясь через плечо, а я ещё не решил по алгебре, у меня от страха и видимо от пробуждавшегося пола случилась вдруг поллюция – вот тогда то и приналёг на математику и геометрия стала ясна] и выделился из ученической среды, и в других классах – и даже в 8-х почему-то стал известен [видимо, учителя говорили; и в 7-м меня поначалу преследовали тройки и даже двойки случались по причине врождённой неуслужливости, и это была удача, что по русскому-математике оказались хорошие учительницы, обе, кстати, «овчарки», жены то есть офицеров, года 2 всего были, видимо мужей перевели куда-то] Это подогрело моё самолюбие.

Сразу после смерти Сталина я в числе многих шестиклассников поступал в комсомол, не приняли меня одного, хотя все вступавшие у меня спрашивали по политике, где кто премьер, в какой стране и где эта страна. Но меня спросили на бюро после того, как чётко ответил на все вопросы, в каком месяце родился – не хватало до 14-ти почти полгода! Не приняли, это сильно расстроило меня, но утвердили уже в августе заочно, но не знал до января 54-го. А всё лез на собрания комс-группы класса, где верховодили Левченко и Кравченко, на 4 года меня старше.

Они в оккупации были, не учились, тогда много таких понаехало. У Кравченко, настоящей уже тётки, любившей посплетничать с Левченко на пару, было бельмо на одном глазу. И вдруг я узнал в январе, что комсомолец! Скольких с Павликом Левченко б неприятностей избежал, если узнал сразу. И дома гнёт к тому времени, к началу 54-го, ослаб с успехами в учёбе – отцу лишь бы троек не было, раньше бы ему отстать от меня и не мешать. За зиму с 53 на 54 я как-то быстро подрос, стал лишь на полголовы его ниже, а он выше среднего, а по силе, пожалуй, сравнялся, хотя он далеко не слаб был. Мешки с соей таскал запросто по 30 кг в крутую гору для скота и птицы, как ранее он. [От магазина на «Чайке»] А с 5-го по 6-й он меня донимал, угнетал, заикание, возможно, было как раз от того

Он младшим был братом в большой семье крестьянской под Благовещенском, в которой рано, в 1915 году умер отец, старший брат Степан был лет чуть не на 20 его старше, грамоте в армии научился. А отец родился уже в 1913-м, и между ним и Степаном – ещё три сестры. У них у всех как раз дети институтов понаоканчивали, Степанов один сын лёгчиком был, другой, белобрысый Федя, даже инженером-атомщиком в Челябинске, и у старших сестер отца дети хорошо учились, способные были, в начальство повыходили – они все постарше меня и я, тревожился отец, как бы балбесом не оказался, как он заранее обзывал меня в младших классах при получении троек (а уж за двойки... Я прятал дневник в карьере перед оврагом, боялся, как бы не убил)...

Почти каждой учительнице с первого класса казался почему-то очень самоуверенным, хотя никакой ни шалун я был, не вертелся, молчун как раз – они сами прицеплялись и мне говорили, и родителям жаловались на мою «самоуверенность», хотя откуда в первом классе? Маска просто была защитная. И хотя я ещё год назад, в Кропоткине, [шести лет] читал бегло даже газеты [и расплакался, прочитав о Владивостоке ...чего сам не помню: запомнилось взрослым], – они мне в начале года во всех начальных классах тройки ставили почти по всем предметам, потом разбирались – и к концу года уже – одни четвёрки и пятёрки и похвальный лист, и книжка. ...Брат же младший, почти на два года, но шел в школе следующим за мной классом, напротив, сразу очаровал учительницу, сразу у него одни пятёрки, и хотя шалун и вертится на уроках, – ему одни похвалы, потом отец его успехами меня «балбеса» тыкал. Правда, эта

учительница братнина хорошая оказалась, очень даже, повезло ему, и вела его по четвёртый класс, а у меня в первом классе сменилось их с десяток. 1948 год, как видно даже из этого, гораздо полегче был 1947-го...

Отец семилетку ещё в 30-е годы окончил, тогда это в редкость было под Благовещенском, образованным себя считал, в армии лейтенантом, маленьким, но начальником – начхимом полка во внутренних войсках. И хотя высмеивал «службистов», от них многого набрался. [Почти начисто лишен был рефлексии, «чисто всё конкретно». Но честный. В Рыбпорту уже и тогда тащили солёную рыбу в основном, да и не по одной. И помнят отца там до сих пор, хотя 22 года после смерти, с выхода на пенсию аж 32. Младший брат у меня и племянник от другого брата там работают, недавно подтвердили, помнят в Рыбпорту отца. И на похоронах в 1982-м, полутора неделями раньше похорон Брежнева, один из руководства порта очень взволнованно, проникновенно об отце говорил. Конечно, нетерпимость к глупости и нерадению у меня и от отца, от кого же ещё, а рефлексивность не знаю от кого – не от матери, она тоже сугубо конкретная, работающая – от отца её, Давида Дьяченко вряд ли или может, от кого-то из рода Шульга. Оттуда и ген блондиноидности – младший брат и один из сыновей моих чистые блондины.

Отец, конечно, много неприятностей по работе нёс, как старший стивидор, вот дома и вымещал на мне, как на первом. Ещё, может быть, он дочку хотел, а тут все пацаны, аж четверо. Но на младенцах не выместишь; да я ещё не услужлив, непреклонен был по натуре. Хватали горечи мы друг от друга когда я мал был – и [лет до моих 26-ти вплоть ...когда меня, ветерана-сержанта, служившего два года на капитанской должности, – в 65-м году кандидат юрнаука Елисейкин и Овчинников, доктор оных, – лишили стипендии повышенной мракобесно при поступлении из армии в ДВГУ: об этом книга: «Благодарность Родины»]

Словом, светлым у меня ко времени колхоза в 54-м в отношениях с людьми была только материнская доброта учительницы русского, но тогда я об этом не задумывался и даже не записал её имени. Ну, природа была, рыбалки – и книги, фантастика, приключения – «Как закалялась сталь» прочитал рано и запомнил – классе втором, как лежал с неделю у сестёр Шульга из-за кори, там и вкусил впервые уединения, и хороши были обе сестрички около за 20-ти лет, высокогрудые, ладненькие, запомнилось даже с тех нежных лет]

Судьбоносным воистину мне 1954-й год явился; недели две бродил один я на каникулах, на школьный двор забрёл по случайности чистой ...а там с полсотни старшеклассников завтра собираются в колхоз (нам, бывшим 7-миклассникам повестки не присылали); я, младше всех, приписался гамузом

...Раньше мне никогда не приходилось бывать в таком коллективе. Главное, там девочки хорошие были, среди них две оказались красивые, даже три ...но Ольгу я сначала не заметил, больно мала тогда была, скромна, как мышка ...но именно в неё потом влюбился

...Среди же девочек некрасивых очень хорошие были, особенно Надя Павлятенко, красотой не отличалась, но очень у костра голосистая как и из 9-а, кроме Ольги, остальные... После ужина мы шли к костру, не все, а кто любит попеть или послушать. «Горят костры далекие...», «Вот кто-то с горочки спустился...», «Цветёт, цветёт пшеница полевая...», ну и «Степь, а степь кругом...» и другие, много хороших песен знали девочки [которые и посейчас греют душу, а то всё нытьё, хрип и визг пороссячий], я любил слушать, хотя сам не пел, медведь мне, как тогда казалось, на уши наступил [а не совсем оттоптал слух, способность вывести голосом мелодию выявилась совсем недавно] ...Мы ужинали в школе, потом шли к костру в сумерки, Ольга Макарова сама брала меня под руку в этих стометровых переходах, раза 3—5, и даже поначалу позволяла моей голове полежать у неё на коленях, даже сама, кажется, первая положила. Но я был тогда такой телок [да и долго потом], что не придавал этому никакого значения, а потом

увлётся трудовыми подвигами и уставал. [И только когда стал перечитывать дневники уже в 80-х, резануло вдруг 40 лет спустя ...Макарова и походила на артистку-однофамилицу, только у неё было лицо и женственное, мягче и – поскромнее она по натуре была, тише той артистки, ну и 17 её лет Блондиночка была даже с веснушками слегка, кажется; не такого мил-друга ей бы тогда, как я, еще телок, – хотя ростом рано вымахал, были в группе и постарше меня парни года на два, и озабоченность уже у них была, как подмечено потом в дневнике, но фона нынешней помешанности на половом не было – неужто не ответят развратители, губители молодых душ! – не тонули утончённые души в животности омуте ...а *животные* всегда ведь в нём

Критически важной для роста моего миропонимания школьная была зима 53—54 гг. Для лучшего представления происшедших со мной сдвигов следует отступить на несколько лет назад, до 51

Младшие классы, как уже говорил, были для меня темным временем, мало что и запомнилось. Ни в октябрятскую, ни в пионерскую иерархию меня не выдвигали, вся моя жизнь сосредотачивалась внутри, в мечтаниях, – под влиянием, конечно, прочитанных книг. Мне импонировали описания уединенности, когда, допустим, партизаны оставляли мальчика одного в избушке, и он развлекался видом сучка в свежеструганных досках потолка, меня такие подробности умиляли. Или устройство земляной печурки на первых страницах «Подпaska» Петра Замойского (вот запомнил даже имя!). Еще больше меня впечатлили описания холодной прозрачной струящейся воды ручья, в котором начали вылупляться мальки кеты в «Тайне маленькой речки» Трофима Борисова – приморского писателя 30-х годов (вот бы переиздать большим тиражом!). Позднее сильнейшее впечатление оказал на меня роман его же «Сын орла» – о борьбе нанайцев с хунхузами китайскими, песню Плеуна из романа я распевал в упении («...Пиля-Кхерха (Сихотэ-Алиня) горы там...» – как будто в предвкушении того, что и мне в тех горах уже придется походить и пожить) ... Зачитывался я и описанием путешествий В. К. Арсеньева в начале века по Приморью, тогда лежали еще в книжных магазинах небольшие томики его собрания сочинений в темнозеленой картонной обложке, выпущенные в 1948—49 годах (давно не видел те томики, дорогую память о детстве, издать бы их надо именно в таком же виде! Не залежатся). Но наибольшее влияние на меня оказал, конечно, «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо. Это, по-моему, самая великая книга для детей, подлинно образующая и даже психотерапевтическая. Из книг Жюль Верна, долго восхищали меня увлекательные описания свободной коллективной жизни с «нуля» закинутых воздушным шаром на необитаемый «таинственный» остров участников гражданской войны в США, – но в своих разнузданных мечтаниях я представлял себя одним, по «Робинзону», в наших, конечно, условиях, то есть комбинированно с «Тайной маленькой речки». Живу в землянке на берегу маленькой реки, строю ее воображимо, ловлю осенью кету, солю, делаю туески из березовой коры, заполняю их икрой, собираю картошку по огородам, не хозяевами докопанную, как мы и практиковали осенью, пекли ее в золе от той же картофельной ботвы (до 10% картофеля остается недокопанным). Интересно, что и женщины, репрессированные из-за мужей в 30-х, по О. Л. Адамовой-Слиозберг тоже «мечтали о том, как они отбудут свой срок, встретят мужей и в хижине, в лесу будут жить вдали от людей»...

Мне тогда не надобилось еще присутствие другого пола, интерес к нему появился впервые как раз во время драматического возвращения домой после провала попытки осуществления первой своей робинзонады в 51-м году (потом была еще вторая успешная – 1971-82-м, и вот третья, – здесь уже с 1984-го осени, 20 лет будет осенью, – и это уже последняя)...

Все произошло случайно. Мы «бесились» на большой перемене, это было в начале апреля 1950-го года. Я толкнул кого-то на лестничной площадке, он отлетел на стенку, где висела

школьная стенгазета, и разорвал ее, к моему неопишуемому ужасу, за столь тяжкий поступок мне мерещились самые тяжкие кары, когда дойдет до отца. Тогда-то я и решил осуществить свою мечту: убежать в тайгу, вырыть землянку. Ушел сразу после инцидента на лестничной площадке, прогулял где-то пару часов, мать послала меня за хлебом и дала сравнительно крупную для меня купюру в 25 рублей (описано 4 года назад, и достоинство купюры исчезло из памяти, как будто держалось до той поры, пока не поверил бумаге! Надо спешить и с последующими воспоминаниями). Переехал на катере на Мальцевскую, – пройдя по базару, увидел небольшой ножичек в чехле на прилавке базарчика и принял окончательное решение! Купил тот ножик, полбулки хлеба, проехал трамваем до вокзала, взял билет до Надеждинской – дальше пригородный поезд не ходил. В Надеждинской сошел и двинулся по шпалам дальше. Денек был пасмурный, холодный, какие выдаются в начале апреля (в такой же бродил с другом Валентином по свалкам 20 лет спустя, собираясь переселяться в Совгавань). Дул навстречу мне пронизывающий северняк, шел я по шпалам, не думая ни о чем, вожделенного в мечтаниях леса поблизости не было, а когда показался и темнел в отдалении за кочковатым болотом, то уже не манил: у меня не было лопаты вырыть землянку, не было топора, никакой посуды (все же, смутно помнится, купил еще и котелок), никаких припасов. Довольно быстро тогда я постиг разницу между мечтаниями и реальностью, и мало-помалу росло отчаянье. Решил идти пока в Раздольное, где жила тетя Надя, сестра отца и где я неоднократно бывал, и от этих побывок сохранились хорошие воспоминания – из самых лучших от детства. Года за два до моего злополучного бегства из дому отец косил сено на островах Суйфуна, жили в большом шалаше – балагане, я ходил по кромке воды, собирал ракушки и камушки. На берегу стоял еще старый балаган, к его крыше прислонялись несколько удочек разной длины, одна так метров 6. По вечерам у костра собиралось несколько косарей, пили вкусный чай, заваренный местными травами (вкус того давнего чая запомнился на всю жизнь), пели песни потом, среди косарей было две-три молодые женщины. Жили в шалаше дней 5—7, для меня то было самое сильное воспоминание раннего детства, – но у отца – узнал от матери прошлым летом – подобных воспоминаний не осталось: накошенное тогда сено конфисковали – совхоз не выполнил план по сену – сразу за мостом через Суйфун на трассе. Я до прошлого года этого не знал. С тех пор отец уж сам сено не косил, а несравненно худшее покупал

Вскоре за Надеждинской мне пришлось обогнуть невысоким, но крутым подъемом, заросшим невысоким дубняком, железнодорожный туннель, за которым линия несколько километров шла в том же дубняке, затем показалась речная протока, довольно широкая, свежий северо-западный (я смотрю по карте расположение той протоки) ветер гнал по ней частую рябь, набегавшую на отлогий болотистый, в кочкарнике, берег. В отсутствие солнца пейзаж был безрадостный, мало-помалу, но довольно быстро я убеждался в неосуществимости своих намерений, однако мне не оставалось ничего, как топтать дальше по шпалам. Сейчас бы было весьма муторно, но тогда, в 10 с половиной лет, расстояние между шпалами как раз равнялось моему шагу... Еще к одной, взъерошенной ветром протоке подошел, спустившись с насыпи и преодолев кочкарником метров с полсотни. Что-то в этих частых набегающих волнах было созвучно моему настроению – я все же, несмотря на *удрученность и как бы нереальность своего состояния все же безлюдьем упивался* – несмотря на почти отчаянье. Я понял, что мал еще, никак не подготовлен к уединенной жизни, что мне следует покориться обстоятельствам, вернуться домой, как это ни ненавистно. Как бы ни не хотелось! ...К закату подходил к Кипарисово, два солидных кирпичных здания станции первоначальной дореволюционной постройки как стояли, так и стоят теперь, но больше ничего не было, халупки какие-то не запомнились. Перед станцией в опасной близости от путей бегала стайка обшарпанной, одетой в рвань – бросилось тогда в глаза и до сих пор стоит! – ребятни, сильно бедностью от даже Чуркинской отличной Дети кричали, бегали друг за другом, играя в простейшую игру «пятнашки», на меня

проходящего никто не обратил даже внимания, и я потопал в сумерках в наступившей вскоре густой тьме в недалекое уже Раздольное – до него от Кипарисово 6 км, но оно, известно, весьма длинное, от южного края до северного, где станция, еще 6—7 км. Пришел к 22-м, к тете зайти не было и помысла, понимал, что только встревожу ее, в столь необычное время заявившись. Есть тоже не хотелось (возможно, съел те полбулки, что купил в городе). В тот день я отмахал более 30-ти км по шпалам, то был мой первый большой переход. Я понимал, что родители без ума и не стоит свои провинности усугублять.

Сел в последний пригородный поезд, тогда еще на паровозной тяге, обычные жесткие вагоны. В одном купе со мной была пышная молодая ослепительная блондинка, такой красоты женщин не встречал до тех пор на Чуркине, а в городе бывал редко. Видно, была отобрана для какой-то конторы, а скорее всего жена офицера. Именно к ней, на пике своей удрученности, почти отчаяния ощутил тогда первое чувство...

Случившаяся со мной передрыга ему наверняка способствовала, потому и пришло тогда первое половое чувство, что помогло мне одолеть отчаянье: жизнь сулит впереди много еще хорошего, раз есть красавицы такие...

Словом, редкой тогда красоты блондинка очень для меня счастливо под конец тот мрачный денек осветила...

...Едва успел на последний катер через бухту; взошедшая только к полуночи луна освещала кладку водоотводного коллектора, выложенного из притесанного гранита. Об эту каменную невысокую стенку, что тянулась, если от катера, вправо впритык к шоссе – хотелось разбить голову – так не хотелось домой идти... Постучался не в дверь, а в окошко, обойдя дом, в спальне родителей. Отец открыл форточку и тихим голосом, почти шепотом спросил: «Юра, ты один?» Отец боялся, как бы за мной не было грабителей, проникавших в дома через детей. Ничего, естественно, даже ругани, мне не было – отец был рад, что хоть за полночь, но я вернулся домой. Ничего мне не было и в школе за ту порванную стенгазету...

* * * * *

Переход в 5 классе на многопредметность («многоучительность») дался мне болезненно: надо было приспособливаться к 5-6-ти преподавателям вместо одного. Нечего говорить, что каждый предметник старался заявить о себе строгостями, чтобы получше вели себя на его уроках. Появились у меня и двойки в дневнике, без которых все же обходилось в начальных классах даже в начале учебного года (к концу – одни 4-ки и 5-ки). Первые двойки вызывали у меня панический страх: как же взыщет на них отец, если не давал жить за «тройки»? месяца два в начале пятого класса прошли под этим страхом, «терял» дневник с «двойками» в карьерчике выше шоссе, перед оврагом, на нижнем со школы пути.

Мрачное было время – полтора года оставалось жить Сталину, в полной силе был еще репрессивный дух 30-х и всей послереволюционной эпохи; недавняя война оказывала свое особое гнетущее последствие, как бедностью и разрухой, так еще больше «остаточной подлостью» *уцелевших*, – и испытанным об этом трудно судить, а не испытанным вряд ли возможно. Авторитарность, репрессивность времени усугублялись в школе и семье моей врожденной неспособностью «подчиняться» – на улице больше сказывалась моя открытость и наивность, мешавшие приспособливаться. Из этих трех сред самым тягостным было угнетение в семье – через школу, где тоже поначалу (учебного года) сказывалась моя слабая приспособляемость, но потом проявлялись все же способности и знания в сравнении с другими. В семье же, как упоминал, сравнение было не в мою пользу: брат был с первого класса круглым отличником и отец, конечно, неоднократно мне этим пенял. Но никакой зависти или каких-либо недоб-

рых чувств к брату у меня не возникало, так как я *даже с первого класса меру своих способностей ощущал*, – даже и в сравнении со взрослыми. Как уже упоминал, фатальное значение имел фактор не генетический, а средовой; именно что отец, будучи младшим сыном в семье, причем с большим отрывом от старшего брата – 18 лет! – совсем не испытал в детстве отцовского гнета, да и братского – он, конечно, был на попечении старших сестер. И представить ему мои печали в детстве было трудненько уже по причине слабой способности к рефлексии, отвлечения, воображения

Имело и то значение, что мать была 7-8-ю годами моложе, – отец, конечно, её подавлял – и от него она невольно переняла и манеру обращения неласковую, по крайней мере со мной, прибегая нередко даже к матерной брани, что переняла от отца или даже еще раньше. А меня мат травмировал с самых ранних лет, и до сих пор, правда, теперь я допускаю его в необходимых случаях для пушей экспрессии, но всю жизнь ни-ни!.. До внезапного овладения, на 66-ой уже зиме!, – рифмой: здесь уж главенствует наивысшая экспрессивность... В конце концов, я мать от мата к старости (ее) уже здесь отучил, по три дня с нею не разговаривая, где-то уже упомянул об этом в своих растянувшихся на много лет воспоминаниях – где-то с конца 80-х вспоминаю те или иные эпизоды, но разбросано в дневниках, из них трудно извлечь, придется повторяться, но каждый раз другими словами, в другой связи, с другими оттенками ... и в лучшем качестве...

...И все же мать старалась защитить меня – она-то в полной мере испытала угнетение в семье мачехи и могла мне сочувствовать – от неистовств отца, сочетавшего по части воспитания детей предрассудки патриархальщины с самоуверенностью некоторого выдвигенца из селянств. Сюда, к упомянутой неспособности к сочувствию, – добавлялась мнительность и опасливость – тогда нередко за детей провинности привлекали к суду родителей. ... Отец даже как-то попытался применить на практике завет старшего из упомянутых Сидоренок: «пори пока можно уложить поперек скамейки». Или, может быть, он вычитал у Горького описание субботней экзекуции над ним и прочими детьми его дедом Пешковым. Но я уже был лет 10-ти и мигом понял что к чему, да и они с матерью, видимо, смутно ощущали неуместность подобной экзекуции из-за моего возраста, – вырвался с криком и убежал, а братишка, двумя почти годами моложе, подвергся, о чем долго позднее с обидой вспоминал... Тот случай с попыткой экзекуции говорит о самом дремучем невежестве среды, из которой отец происходил, и хотя вскоре, через три всего года я смог воспрянуть методами отчасти тоже репрессивными, – все это годам уже к 20-21-му внушило мне отвращение от людей вообще, особенно от семейной жизни в последующем и стало неодолимым препятствием – по знаниям и способностям – моего адекватного участия в делах общества. Конечно, валить все на среду нельзя, в той дичайшей попытке экзекуции со снятием штанов многое объяснимо робостью, даже трусостью отца от природы, что сочетается со «взрывами» смелости, а так же – осмелюсь предположить – его ограниченной сексуальностью, которой он вот таким варварским способом пытался восполнить дефицит ... во всяком случае как его преследования за «тройки» вместо поощрений за «пятерки» (тоже ведь были, и побольше!) в ранние годы внушило невольно недооценку собственных способностей в критически важные годы после школы, – так и его мнительная сверхзабоченность как бы его дети не оказались хуже детей старших брата и сестер – почти вовсе запретила мне заниматься своими. Словом, все сошлось: и гнет патриархальщины, и суровость послереволюционного и послевоенного времени, и синдром «младшего брата» со стороны отца, и мое первенство, на котором он родительскую оскомину сбивал, и глубокая характеров несовместимость – отцова въедливого, ограниченного, мнительного, робкого и потому вспылчатого, – и моего спозаранку склонного к рефлексии, принимаемой отцом за лень, – критичности, отцом никак не понимаемой: злобность ведь не есть критичность, ибо ведет к умножению зла... Еще нас глубоко разделяло то, что отец был в общем закрытым человеком, его попытки откоро-

вений, вроде вот той скамьи сидоренковой, были как бы вылазки изнутри во вне и не от себя, а от неких авторитетов, – я же с детства, чуть не с младенчества был открыт, наивен, медлителен в реакции на требования среды, что не удивительно: моя реакция на взаимоотношения людей не была автоматической, как физиологическая реакция на опасность, которая была мгновенной (мое детство обошлось без травм по этой причине, как и последующая жизнь), – что вскоре в драках проявилось, – отцом эта замедленная реакция на требования принимались за лень, даже глупость (не понимает, мол, чего от него требуют)...

Эпоха требовала послушания, подчиняя самолюбия отдельных личностей высшей общественной цели, и использовала то, что имелось – патриархальщину*, которой коллективизацией был нанесен удар, но не окончательный, – да совсем она исчезнуть – и не должна. Эпоха была великой – но и во многом (в быту) мелочной

Отца еще долго вспоминали в Рыбном порту по работе, он стремился верно служить стране, одной женщине, ее детям – потомству, в конечном счете. Это были черты величия – но вот описание мелочности, сравнимой по неразумию с той самой корыстью Тараса Бульбы, из-за которой он лишился жизни, возвратившись при погоне подбирать утерянную люльку, – дешевенькую курительную трубку из древесного корневища

Вот случай, когда ничтожный повод имеет тяжелые, далеко идущие последствия. Таким для меня в конце 5-го – начале 6-го класса явилась книга Натана Рыбака «Переяславская Рада». Отец, начавший ревностно собирать библиотечку, эту пухлую пропагандистскую книгу очень ценил. И надо было мне отдать ее красивой однокласснице Алле Блиновой (отчасти похожей на блондинку, с которой возвращался домой после неудачной попытки побега). Она была и старше года на два, тогда после войны много детей пошли в школу переростками из-за оккупации, да и увлекались необоснованным оставлением на второй год (чего не избежал и Ельцин, сидевший в школе 12 лет) – Великая эпоха с мелочностью – по причине бедности – сочеталась, как уже сказано. Не помню, с разрешения отца дал Алле ту книгу или без оного, но отец вскоре о ней вспомнил ... А у меня не хватало духу затребовать книгу назад – я робел расцветавшей женственности Аллы, считал мелочностью востребовать книгу – у какой-нибудь ровесницы, может быть, и спросил: сказывалась неблагоприятность неравенства возрастов (через год скажется еще больше моим конфликтом с переростками Левченко и Кравченко, но уже не с такими удручающими последствиями – в конце концов, я тогда, познав интриганство и предательство, морально победил). А Натан Рыбак мне дорого обошелся. Отец каждый день, только придет с работы, с порога: «Принес книгу?» А я все стыжусь книгу затребовать. Нашла коса на камень! Тогда впервые проявилась вся моего характера непреклонность и вся мелочность отцовского, повлекшая драматические последствия уже вскоре. Наконец, то ли он погнал, то ли я сам пошел на Поселковую, где в обшарпанных, но многочисленных бараках почти под Змеинкой жила Алла Блинова (из-за книги я ее фамилию в числе немногих одноклассников на всю жизнь запомнил!) Убогость тех бараков бросилась мне в глаза даже по сравнению с двумя другими, ближайшими скоплениями бараков, мимо которых приходилось часто ходить, – на Кипарисовой и Запорожской. Но зайти к Блиновой я и там не решился, подумав, что книги там просто может и не быть, отдала кому-то в свою очередь, и я, совсем понапрасну, унижусь перед Аллой и кто там еще будет в комнате. Удивительно, что эта простая мысль не пришла к отцу, – куда уж там ему было понять, что у меня уже появилась стыдливость перед противоположным полом, боязнь проявить мелочность, скардность. В годы его детства таких ситуаций и не могло быть – книг попросту не было! Ну нет книги – не доводить же 6-классника до невроза!

И вскоре появился невроз Нечто вроде частичного аутизма: не мог начать «отвечать» урок, если фраза начиналась с твердой согласной – те, дэ-до, пэ, рэ и т.д., – это произошло в начале 6-го класса или немного погодя, к ноябрю, как раз в разгар травли меня отцом из-за пресловутой книги. Жизнь моя школьная сильно осложнилась, мне приходилось заранее придумывать начало фразы с гласной – о, а, и, е, э – но все равно при заминке опять эти п-п-п-проклятые т-т-твердые согласные и совсем замолкаю А к шестому классу мне уже было что сказать, начало честолюбие пробуждаться в связи с половым созреванием, и надо же! В обычном разговоре, в спокойных, непринужденных условиях никакого заикания не было. Только на уроках. Может быть, сказалось сотрясение мозга почти за год, перед новым, 52-м годом? Тогда мы в полутьме коридора (в 3-ю смену) носились по коридору на перемене, столкнулись, – и я отлетел на радиатор парового отопления, ударился переносицей, потерял «сознание», кое-как довели до парты, там очнулся, но, идя домой, чувствовал тошноту и рвоту. Но могла ли та травма сказаться заиканием чуть не через год? Вряд ли, почти год прошел – скорее взросление, в неблагоприятных обстоятельствах долгой удрученности, на фоне морального террора в семье. Встревоженный отец отвел меня в поликлинику к невропатологу, красивой женщине (похожей на Александру Коллонтай), участливо меня расспросила, сказав: «А ты пессимист!» – «А что это такое?» – «Ну, видишь все в черном цвете»...

Нет добра без худа – в порядке компенсации я приналег на задачки, к новому году искрой проскочило умение их решать сначала по геометрии, потом и по другим предметам, требующим применение математики. Лестно решить одному из класса задачку, это давало уверенность и «отвечать», кроме того, во втором полугодии вообще происходит сближение с учителями, непринужденность появляется Да и готовиться поневоле пришлось к «ответам» лучше, чтобы не запинаться.

А с началом весны 53-го произошло событие чрезвычайное: 5 марта умер Сталин! Помню сплошной гуд по Чуркину – кроме заводов, будивших на работу, в обед, и с него, после работы, включили, наверное, мощные сирены ПВО. Скорби особой не припомню и печали, но смерть Сталина означала вскоре массовый прием в комсомол всех старше 14-ти лет, и тут акции мои поднялись: я разъяснял всем, кто спросит, где какая страна, кто там премьер-министр или президент, какие партии, какая форма правления. А принималось много, только в нашем 6-м (а их было до пяти-шести!) не меньше десятка, подал заявление и я, хотя и не хватало до 14-ти более полугодом. Какое это было священнодействие – заполнение «анкеты вступающего в ВЛКСМ»! подумать только – приобщаешься к миру взрослых, к славной организации, в которой состояли Павел Корчагин (Николай Островский), молодогвардейцы, многие прочие герои!

...Большая толпа теснилась перед дверью, где принимали в комсомол на школьном комитете, все, особенно девчонки, страшно волновались и наперебой спрашивали меня по уставу, политике, международному положению. Я мог ответить на любой вопрос, задававшийся на комитете. То же повторилось и в еще большей тесноте перед дверью бюро райкома комсомола. Я уже считал себя членом комсомола, бойко ответив на заданные мне вопросы, но меня то как раз не приняли. Я ответил на все вопросы, но кто-то из членов бюро спросил: «Юра, а в каком месяце ты родился?» Пришлось сказать правду, и меня не приняли – не хватало возраста слишком много, более полугодом. Не понять сегодня глубину моего отчаяния, не передать словами! Подобного не было ни до, ни после. С горя я накопил по копейке полные карманы коробков со спичками, сковыривал серку с их головок в дуло «поджиги», трамбовал, потом газетный пыж, кусочек свинца сверху – и раз за разом бухал, целясь в консервную банку, уединившись в овражек, впадавший в основной чуркинский распадок слева, если вниз со стороны улицы Олега Кошевого, где сейчас шоссе по Калинина взбегаёт на взлобок Окатовой площади. Через лет 6 на месте того овражка, уже засыпанного, была как раз временка и наш огород – большой шлаколитой дом стоял на твердом мыску между овражками, срезанном бульдозером.

В комсомол меня не приняли, затем последовало «боевое лето 53-го», уже неоднократно описанное, в 7-й класс я пошел как-то вдруг выросшим, раздавшимся в плечах, окрепшим – меньше чем за год я физически превзошел своих однолеток, но в классе было до пяти переростков годами тремя-четырьмя старше, то есть в возрасте, когда Аркадий Голиков (Гайдар) уже полком командовал Первым учеником с 6-го класса считался Левченко Павлик, коему было лет уже 17. На родительском собрании классная как-то сказала, а отец потом рассказал «Паша Левченко такой аккуратист!» (с тех пор у меня к аккуратности определенное презрение, хотя, конечно, в том нет плохого, напротив). В 6-м классе ему еще не трудно было первенствовать, тем более что где-то на западе уже прошел 6-ой класс, но не успел сдать экзамены. Но уже к концу 6-го я стал поджимать его, а в 7-м уже явно оттеснил на второе место по всем предметам, за исключением скучной алгебры, по которой первенствовал тоже не Паша, а Кочетков, на полгода моложе меня и ростом не вышедший, но бойкий, сын капитана 1-го ранга. Этот Кочетков вскоре, то ли перед новым годом в декабре, но не позже января 54-го проявил и реакцию, и наблюдательность, и высокие моральные качества – он один выступил в мою защиту, когда я подвергся неожиданной (для себя – Кочетков кое-что заметил) обструкции вплоть до организации избиения со стороны великовозрастных. Неладны мои с ними начались еще с сентября – я стремился поприсутствовать на комсомольских собраниях, считая к тому же этих переростков недостойными быть в комсомоле из-за мещанской склонности к пересудам, сплетням и резонно полагая, что на их собраниях особых секретов быть не может. Они ж меня гнали вместо того, чтобы приветствовать мою тяготу к комсомолу, воспринимая комсомол лишь как средство выделиться, поважничать перед одноклассниками, – то есть противоположно его демократическому духу организатора молодежи. Я уже тогда все это понимал и негодовал, видя их полнейшее равнодушие и непонимание этой роли комсомола. Зато малейшее проявление полового их сильно интересовало. ... В первой своей попытке воспоминаний я об этом последнем даже не упомянул, считая малосущественным. От того мое тогдашнее описание попытки избиения меня переростками неполно, к тому же выпадает важный персонаж, притом относящийся к потом так и не встреченному прогрессивному женскому типу, – и, главное, отношение той уже девушки ко мне меня тогдашнего характеризует, – что совсем было упущено в 1956 году, хотя прошло всего менее трех лет... Это пример того, что кое-что важное вблизи не видится – только по прошествии лет многих...

К началу 7-го к «старому» составу класса прилилась свежая и я бы сказал, прогрессивная струя – это упомянутый Кочетков, для своего возраста даже маленький но развитый – умственно и морально, и девушка, может быть слишком даже развившаяся. Она могла быть и моих лет, и не более года старше, тоже из семьи, наверное, военных, которых судьбина через год погнала дальше, возможно, ближе к центрам страны. Забыл и имя ее и фамилию – польская на «...ская» и весьма редкая, что-то вроде «Целиковская», но не так, еще откровеннее – не могу вспомнить, хоть убей*. Уже фамилия ее редкая и странная вызвала усмешки вышеупомянутых переростков, но еще более ее, как бы поточнее сказать, слишком нескрываемая влюбленность в меня чуть ли не с первых чисел сентября. Я был совершенно не готов к этому вдруг свалившемуся на меня предпочтению почти уже развившейся девушки. Она была даже симпатична, но не совсем в моем тогдашнем вкусе – позднее, возможно, признал бы ее даже красивой, во всяком случае, оригинальны были тонкие черты ее треугольной формы, с высоким и широким лбом, лица каштановолосой шатенки со светло-кариими глазами, – за всю последующую жизнь не встретил более женщину или девушку такого типа, еще более редкого чем тот, к коему относилась моя вторая (и последняя) жена Людмила – на нее похожих я дважды встретил в 90-е, а уж способность к типизации женщин у меня развилась!

*Пучкова! Вспомнил с полгода назад, наткнувшись на эту фамилию в какой-то книге

Были еще подобные влюбленности в меня: в 21 Тани Румянцевой, которая будет описана, в 65—66 аж двух девушек из студенческой группы на истфаке ДВГУ, о коих упомяну, – те уже вполне могли обрести реальность, если бы отвечали моим предпочтениям. Так что свое счастье я упустил – или оно уплыло! – слишком рано, когда не могло еще осуществиться

Я был, словом, не столько польщен, сколько озадачен. Девочка почему-то сильно влюбилась в меня, стремилась сесть за одну парту, просила другую девочку пересесть, льнула ко мне на переменах, совершенно не умея скрыть своих чувств, абсолютно безразличная к пересудам. А я по отсутствию опыта и отвлекаемый пробудившимся честолюбием, совершенно не мог ее редкое чувство оценить. И качества! Конечно, там играли гены – в той девочке, она чувствовала, возможно, что уже не встретит подобного мне, хотя моя наружность к оригинальным не относится, разве тогда уже рост и сила, да определенная смазливость, которая у девушки тяги не могла вызвать... она учуяла, возможно, что-то во мне нечто необычное

Я не только не мог тогда, будучи совершенным «телком», оценить свалившееся на меня неожиданное счастье, но даже смутился им, тем более что великовозрастные Павлик Левченко и сверстница его Кравченко, угловатая некрасивая девица с бельмом на одном глазу, высмеивали всячески увлечённость девушки мною. Их фамилии запомнил, а любившей меня не помню!

Мне мало утешения, что и она, возможно, не встретила потом мне подобного...

И вот к декабрю (черновик писался 4 года назад, так что примем декабрь) дошло до того, что против меня составил заговор, о котором никак не подозревал... Мы ходили во вторую смену, темнеет в декабре рано, на последних уроках включали свет. Конечно, этим баловались, выключали внезапно, и вот как-то раз сразу вслед за выключением света, как закончился урок, я, еще сидевший за партой, ощутил тяжелый в затылок удар – так мог меня наградить только Максим (Максименко), годом всего старше меня, но кражистее, более массивной комплекции, вечный обитатель «Камчатки», последних то есть парт. Свет тут же включился, и меня еще кто-то слегка по плечу ударил – только прикоснулся едва – этого я успел увидеть: Гена Тарасенко, который был со мной на ноге приятельской... я несколько раз у него на дому бывал, – на северном, к Мальцевской, склоне Двухгорбовой, выше шоссе нынешнего Гена был парень покладистый, на два с небольшим года старше меня, учился неважно, я помогал ему решать задачи. У него было бельмо на одном глазу, был он высок, кудлат и похож в моем представлении на Алексея Пешкова (писателя Максима Горького) в молодости. Он тоже – из-за своего роста – был вечный обитатель «Камчатки», только на крайнем от двери ряду, а крепко приложившийся к моему затылку Максим (я еще успел инстинктивно подать вперед голову, сработала моментальная реакция) сидел на среднем ряду. В крайнем от окон ряду на последней парте сидела «одноглазая» (тоже с бельмом) великовозрастная девица Кравченко, на первой парте того же ряда, прямо у учительского стола, сидел столь же великовозрастный (17 лет!) Павлик Левченко, заслоняя от учителя сидящих за ним на четыре года младше.

Как только свет включился, маленький Кочетков закричал от двери:

«Это Левченко подстроил!» Он, видимо, заметил, как тот шушукался с экзекуторами, и не побоялся крикнуть, причем с негодованием – он ко мне не слишком-то льнул, даже конкурент я был ему по алгебре: несколько не убоился тех дядей, из которых Максим был тяжелее его вдвое! К этому амбалу Максименко у меня не возникло никаких из-за его тупости враждебных чувств, Гену Тарасенко я сразу простил, понимая его несамостоятельность (у меня тогда и мысли не возникло, что и в Гене, хотя он пользовался моей помощью, мог быть мотив зависти и, главное, что мне – «пацану» – было выказано половое предпочтение; кстати, не «поло-

жил» это и на Левченко, когда писал в 56 свои первые воспоминания), – еще менее могло мне тогда придти в голову, что и Максима и Тараса Левченко мог попросту подкупить? Словом, малой ценой всего лишь одного, хотя и увесистого удара по затылку, не повлекшего никаких последствий, я получил ранний опыт интриганства по отношению ко мне, наемничества со стороны Максима, предательства со стороны Тараса – и бескорыстное проявление благородства маленького Кочеткова, имени которого даже не запомнил. Ошеломленный ударом, я в числе последних из класса покинул в тот вечер школу, а на следующий день негодование против Левченко помешало расспросить Кочеткова подробности подстрекательства велико-возрастного Левченко против меня. Очевидно, он сам выключил свет, сразу Максим ударил меня – и сразу они смылись, а Кочетков, сидевший на первой парте среднего ряда, встал-вскочил раньше меня и увидел Павлика у выключателя – и немедленно разоблачил его. Тарас же «прикоснулся» ко мне уже при включенном свете, и я видел его, но сразу понял «формальность» его прикосновения. «Мстить» Максиму я и не думал, хотя к тому времени имел уже опыт успешных ударов – никто ведь из шпаны летом прошедшим не устоял! Но я уже чувствовал, что такому амбалу нужен особо сильный удар, а упадет – может разбиться насмерть. Я уже после осеннего удара по Карасю – не со всей силы, кстати, – уже познал силу своего кулака (об этом, кажется, в воспоминаниях 56-го года распространяюсь) ... Я не то что подумал, а чувствовал, что с Максимом одним ударом может не ограничиться и сам мог пострадать, словом, не пошел на эксцесс, да это было бы ниже моего достоинства. А Павлику спустить я не мог. В полдень следующего дня я подскочил к нему в толпе собравшихся перед входом в школу – там была узкая, шириной метров с 8, бровка ровная между школьным крыльцом (которого не запомнил, как ни странно и широкой лестницей, выложенной из песчаникового дикого камня, спускавшейся на площадку пошире, где играли и в футбол, а в глухом конце была стенка из бревен, подпиравшая склон, – на тех бревнах вывешивались мишени, и десятиклассники со ста метров стреляли по ним из малокалиберок, а мы, младшеклассники, потом кусочки смятого свинца выковыривали) ... Перед этой лестницей вниз из дикого камня я подскочил к Павлику, изобразил пару боксерских выпадов – причем оба раза он трусливо уклонился, будучи женоподобным по натуре, – если б я хотел ударить, он, конечно бы, не успел уклониться. Он был тремя годами старше, конечно, сильнее меня, только 14-летнего, и ростом выше среднего, но тонок, узок в плечах. Его лицо красноватое, узковатое, голубоглазое, красивое даже – с изящными чертами, маленьким ртом* (**Как у бюста Цицерона на обложке сборника его речей, изданных в начале 50-х*) – побледнело, он растерялся, струсил, – чем я и удовлетворился вполне. Он учился последний год – по окончании семилетки поступил в мореходную школу и стал, как вроде бы слышал, неплохим судовым механиком, но, думаю, при своих способностях интригана, не замедлил вскоре пробраться во власть, – о чем у меня лишь предположения. Возможно, все же, женоподобие в характере помешало.

Между тем, этого противостояния с комсомольцами-переростками могло и не быть. Я уже был тогда комсомольцем! В августе 53-го я был принят заочно в комсомол, по анкете, в которой месяц рождения не указывался – комсомольцем я стал все же за два месяца до 14-ти, но лишь в январе 54-го сообщили, и я, наконец, получил комсомольский билет...

В 7-м классе с самого начала я встретил, наконец, душевное понимание от классной руководительницы – по русскому и литературе – и не запомнил даже ее ни имени-отчества, ни фамилии! Ее женственная, материнская душевность, участливость помогла мне совладать с заиканием и вообще очень благотворно повлияла на меня: она была первым настоящим педагогом, встретившимся мне в школе. Невысокая, соразмерно круглого лица с нежным румянцем, полненькая, она относилась к типу женской красоты, увековеченного русским художником начала 19-го века, автора картины «Девушка за пяльцами», Кипренским. К постоянному нежному румянцу на чрезвычайно бархатистой, нежной кожи лица, прибавить изящно очер-

ченные губы и чуть курносый носик. Она, наконец-то сразу разглядела во мне открытость, способности – только тогда еще не по ее предмету, русскому! – и, главное, она сразу же верно определила во мне главную черту: «Ты натура увлекающаяся!»), не раз говорила она в 7-м и повторяла в 8-м, когда я был избран секретарем комитета комсомола школы, встретившись в коридоре – уже не преподавала у нас, вместо нее была по русскому и литературе Татьяна Ильинична Ткалич, тоже ко мне участливая, но гораздо сдержаннее, и при ней я, получив в начале 8-го за диктант двойку, за неделю подогнал русский, а в 9-м прочно занял первое место и по литературе во всех 9-х классах, – она даже читала дважды мои сочинения в других девярых, но я тогда думал, что это она мой секретарский авторитет набивает, будучи женой второго секретаря райкома партии Андрея Петровича Ткалича, который неоднократно приходил в школу и всегда крепко мне руку жал. Об этом я неоднократно писал в своих прежних воспоминаниях, растянувшихся на 20 лет, и теперь мне трудно вспомнить, где что писал: извлекать из дневников прежних лет муторно, а пропустить важное не хочется. Но начатые систематические воспоминания в 2001-м, продолженные перепиской дневника 1956—57 гг., в котором попытка воспоминаний в 56-м здесь «на плаву», правда, осложненные комментариями в квадратных скобках от современности, то есть от осени позапрошлого года. Можно бы вычеркнуть повторения, но оставляю, так как есть возможность сравнить точки зрения и лексикон мой тогдашние и нынешние

Из всех этих наплывающих друг на друга описаний видно, что из отроческого кризиса я стал выходить в 7-м классе, начал же к новому году 53-му еще в 6-м классе, когда еще одна учительница повлияла на меня своей женственностью – математики и тоже, забыв начисто ее инициалы, запомнил навечно образ. Эта особая внимания ко мне не проявляла, но своей женственностью – высокая, стройная, высокогрудая, слегка с веснушками на матовом, тоже округлом лице она так повлияла на меня, что я вдруг стал понимать всю планиметрию – без ее, правда, особых разъяснений, по учебнику разобрался. Ее, впрочем, описал немного больше года назад, извиняюсь за повторения, памятуя, впрочем, что они – «мать ученья», – в данном случае, изучения навыков выхода из кризиса...

Напоследок из той баснословно ранней поры самого конца 1952-го я приберег воспоминания светлые, и при том окрашенные настоящим светом от полной луны. То ли перед новым 53-м годом, то ли в самом начале января. Был бы под рукой вековой справочник стояний луны, то по пребыванию ее в зените можно уточнить. Тогда – и единственный раз! – увлекались в классе новогодними пожеланиями. Получил и я несколько треугольных конвертиков с такими пожеланиями аккуратными девичьими почерками. Самое красивое и теплое было от Грицук Аллы. Отец у нее был китаец, одаривший ее пышными черными волосами и чуть заметной раскосостью черных красивых глаз и, наверное, исключительно нежной бархатистой, нежно-оливковой кожей с постоянным румянцем на щеках. Алла была самая яркая, самая привлекательная в классе, но тоже года на два старше меня. Она сидела на первой парте среднего ряда, к выходу. Я же с краю к проходу на первом ряду от двери на 3-й парте, так что всегда мог видеть несколько сзади эти ее пунцовые щеки, слегка выдающиеся книзу, что только добавляло оригинальности к ее красивому, так сказать, русско-китайскому лицу. Она же никогда не оглядывалась и никак две четверти не проявляла своего расположения ко мне – впрочем, как и я к ней, – только вот это пожелание под новый год. Самое красивое с голубенькими цветочками и виньетками, поэтому пошел проводить ее со спутницей верхом мимо «вышки». Там наверху был по широкой седловине широкий же проход на золотороговскую сторону, на северо-запад. Там где-то посередине Запорожской Алла и жила. Я провожал ее почти до дома, потом немного возвратились назад. Это провожание навсегда врезалось в память. Она была с подругой, не помню уж с кем. Мы учились во вторую смену, был конец декабря (да, ведь с занятий еще шли – в январе каникулы), луна светила ярко, усиленная только что

выпавшим неглубоким снегом, как бы удвоившем лунное свечение. Алла была особенно красива, мы долго стояли, держась за руки, ее маленькие руки были в варежках. Очень неохотно мы расставались, она с подругой пошла на свою Запорожскую, там были самые хулиганские – теперь бы назвали бандитские – улицы, но по бандитизму сразу после войны, в 1946-м, был нанесен такой удар, что даже слово исчезло. Там ее сразу после 7-го класса ухватил хулиган, вскоре севший в тюрьму, и дальнейшая судьба Аллы мне не известна, да и не интересовался. Она была очень умна, сдержанна, в учебе, правда, не блистала, за исключением английского – она произносила лучше всех и получала заслуженные пятерки и похвалы от учительницы

Да, к ее облику припоминается: у нее были ярко-красные губы бантиком, изящные, как бы раздувающиеся ноздри, ну и неопишуемые формы расцветающей девушки 15-ти лет с маленькими руками и ступнями. А ресницы! Длинные, черные без всякой сурьмы и как-то дивно загнутые на концах. Словом, в ней соединились все прелести обеих больших рас. Грустно от осознания того, как давно эти прелести цвели... Но вспоминаются слова поэта начала 19 века:

Не говори с печалию «их нет», —
но с благодарностию – «были!»
Жуковский

Те пожелания я долго хранил, как дорогую память о тех «баснословных годах»: /«Я знал ее еще тогда,/ В те баснословные года,/ Как перед утренним лучом,/ Первоначальных лет звезда/ Восходит в небе голубом». Тютчев.

Алла училась со мной год в 7-м классе, но тогда «политика» весной 53-го, «горячее (боевое для меня!) лето 53-го», – противостояние, с приземисто-кряжистым Писанко Генкой вдвоём, – нас звали, только тот знаменитый фильм вышел!: «Дон Кихот и Санчо Пансо», – двухгорбовско-окатовской шпане вдвоём – и тоже «политические» дразги в начале 7-го класса перешибли у меня половое, и уже не помню внутриклассное, кроме описанных неладов с переростками, а в 8-м классе внутриклассное целиком было вытеснено общешкольным комсомольским и даже районным (городским, краевым). Но те пожелания, те голубенькие цветочки и виньетки на тетрадном в клеточку листочке от Аллы Грицук я долго хранил, как память о самом светлом между людьми. К сожалению, они затерялись то ли еще на крыше шлаколи-того дома, то ли уже в Совгавани в 70-е, в ветхом сарайчике...

Вторая половина учебного года 1953-54-го вспоминается слабо, но есть в семейном альбоме фотокарточка всего класса, на ней видно, как я возвышаюсь сбоку над всем классом, видна уже ширина плеч, и бедность – в одной рубашке

Нет, ничего больше не вспоминается, учебный год закончил хорошо, мало было и четверок, имел похвальный лист и книгу в подарок. Отец от меня «отвалил»... Ну а с конца мая 56-го моей памяти надежный помощник дневник, в котором ретроспективой моих первых воспоминаний лето 54-го в колхозе, в котором оказался *чистым* случаем и взяли меня лишь потому, что был покрупнее и покрепче даже большинства будущих девятиклассников. То есть не спрашивали, какой я окончил класс, просто фамилию-имя записали

То случайное посещение школы в конце июня, когда 9-10-е классы собирались в колхоз, – определило мою судьбу...

Дневник я вел почти без перерывов аж до 1965-го года, и они сохранились, к моему нынешнему счастью. Иначе чем бы сейчас занимался? Конечно, многое мог бы и вспомнить, но не в тех подробностях, в которых-то и значение дневника

Последнее время что-то постороннее, устаревшее, оторвавшееся от грозно нависшего, непонятного будущего, уже не читается. Пишется же не всегда. Сегодня вот, 20.02.2006 расписался, зато вчера ни строчки, а позавчера листа 3, не больше (а сегодня до половины 4-го как-никак 7 листов). Приносимые племянником Сашей – спасибо ему – злободневные книжки, пополняя кое в чем фактами, много уступают моему пониманию событий, – может быть доживу до воспоминаний и начала 2000-х. В такие моменты, когда ничего не читается, листаю сохранившиеся тома «Исторической энциклопедии» – разрозненные и при покупке, но восполнили значительную утрату 9-ти томов «Всемирной истории» (4 очень важные, о становлении Руси, Польши, Украины, перед пожаром позапрошлого года спустил сюда вниз) ... А «Исторической энциклопедии» осенью 2004-го не поднял на верх все имевшиеся (до десятка). Оказывается, Георг Вашингтон, один из основателей в 70-80-х годах 18-го столетия Соединенных Штатов Америки тоже вел дневник – с 16-ти лет, как и я, – и по конец жизни. 4 тома его дневников изданы в конце 18 века. Они – о прошлом. Мои же – о будущем. Мои дневники о событиях не столь грандиозных, но, смею думать, задену я жизнь, проникну её тайны глубже

Того требует время, того требует вплотную подступивший кризис всего рода людского, благоприятное разрешение которого требует глубокого понимания природы человека и особенно общества. А на чем можно глубже понять природу человека, как не на себе самом, а общества – на своих взаимоотношениях с другими людьми, – и на изучении, конечно, истории, географии, всех смежных наук. Важнейшая из них история. Историк должен иметь верное представление буквально обо всех науках, не исключая и точных, – даже в них он должен разбираться даже глубже, чем их творцы, – в их общем взаимодействии...

...Итак, дальше в воспоминаниях мне в помощь сильную мой же собственный юношеский дневник, который, в силу его теперь важности особой, идет основным текстом. Стараюсь ничего в нем не менять, не улучшать с высоты приобретенного опыта в словесности. Разве что внес бы изменение в текст уже тогда, если б переписывал ... А комментарий от себя нынешнего даю в прямоугольных скобках [...].

1956 год

25 мая. Сегодня – последний день занятий в школе. И так, 9 лет я отучился. Остается совсем немного и школа будет закончена. В этом году я бездельничал в смысле учебы, но сделал кое-что по комсомольской работе и самообразованию. Несмотря на то, что по математике*, литературе и английскому у меня 4-ки, чувствую, знания есть, только надо собраться и выработать силу воли. Вот чего у меня нет! Особенно ослабла моя воля в последнее время оттого, что не работаю. Но скоро будет много работы: сдавать экзамены, писать комсомольские характеристики 10-классникам, отправка в колхозы, сборы в поход и т. д. Ближайшая задача – написать нормы поведения и план работы над собой и своим образованием. Работа трудная, но нужная. Но это не сейчас – необходимо сначала подумать и серьезно подумать! Прежде всего, необходимо подвести итоги последних двух лет

Время это даром не прошло и пришлось сделать немало. Прежде всего – 2 года почти работы секретарем комитета ВЛКСМ школы, членом райкома комсомола, 2 раза по месяцу работы в колхозе, причем в прошлом году руководителем шефского отряда школьников в колхозе им. Сталина в Чкаловке, Чкаловского р-на. В прошлом году изучил политэкономия

*«Наш математик», громадного роста, с большой головой в черных, несмотря на лет не менее 50-ти, коротко стриженных кудрях, умевший так громко гаркнуть на расшумевшийся класс – что месяца два царил на его уроках полнейшая тишина – упорно не желал ставить мне пятерки, балуя щедро ими девочек, которые все без исключения списывали у меня решения трудных задачек – и со всех шести девятых классов! Лишь в десятом он стал пятерки мне ставить – и в «аттестате зрелости» по всей математике проставил

[месяц после занятий в школе конспектировал, как потом оказалось, самым интенсивным, ленинским способом «по памяти», прочитав параграф и закрыв книгу, учебник для вузов под редакцией Д. Шепилова, да, того самого, «примкнувшего» к «антипартийной группе» Молотова, Маленков и Кагановича – в квадратных скобках везде в последующем приписка из современности, спустя почти 50 лет, первая 19 окт. 2004 г.],

познакомился с основными произведениями Маркса-Энгельса-Ленина, с частью основных произведений западноевропейских классиков 19-го века. Но главное, конечно, то, что больше узнал людей, стал мало-мальски разбираться в характерах; научился анализировать свои и чужие поступки, отдавать себя всего делу, когда нужно; *говорить правду и поступать справедливо*

[тогда не выделил – не вполне понимал всего значения этих двух слов!]

Но очень, очень много не сделал. Во-первых, недостаточно работал над укреплением воли, внимательности к людям, умением направлять все силы на дело, нравится оно или нет, не выработал достаточно принципиальности к себе и другим, и мало, мало, мало требователен к себе. Мало точности, мало сосредоточенности, не хватает выдержки и терпимости. Сильно еще честолюбие, правда, в замаскированных формах, нет безразличия к личным побуждениям, невозмутимости, когда говорят плохо или хорошо о тебе. Не могу подавлять отвращения к некоторым людям, когда это необходимо. Не могу отвлечься, когда это нужно, забыть промах или ошибку, если они (упадочные мысли и самобичевание) мешают делу. Не могу (а это очень вредно), забывать о предстоящих трудностях, побороть вялость и апатию перед трудным делом

Все эти недостатки сводятся к одному – недостаточна сила воли, над ее укреплением и надо крепко поработать

Ближайшие задачи:

- 26-го начать подготовку к экзамену по геометрии, с 6 до 10 и с 14 до 17.
- С 18 до 21 читать «Историю Англии в эпоху империализма»; [это поверх экзаменов]

В 21 – 22 прогулка или в кино. 27-го тот же режим.

Вечером сегодня подумать над правилами поведения и набросать черновик. Сегодня же сказать А. П. [Александра Павловна Бевз, немного больше года директриса школы, «англичанка»] о походе и окончательном укомплектовании группы.

26 мая.

Намеченное на сегодня выполнил не полностью, не учел, что сегодня в 10 консультация по геометрии, впрочем, задаваемые В.Г.

[Виталий Григорьевич, учитель математики, крупный, на голову выше всех, кудрявый, но с короткой стрижкой, жена его, небольшая строгая женщина тоже «математичка»: пятерки мне ставил неохотно, хотя уже в 9 классе я решал все трудные задачки и девочки-отличницы, которым он ставил пятерки щедрее гораздо, со всех шести 9-х классов списывали у меня решение трудных задачек, решаемых мною всегда ... Кроме него никто из учителей не обращался к ученикам на «Вы», но он и был намного всех старше*]

вопросы мне были, за исключением двух, ясны. После консультации зашел к директрисе сообщил ей о походе, о финансировании поговорить помешал приехавший к ней предрайисполкома, пришлось отложить до завтра. В 11 сходил в школьную библиотеку, взял 17, 18, 19 номера альманаха «Советское Приморье» за 1955 год. Решил за геометрию не браться: повторить перед самым экзаменом можно за 2 часа, какой смысл терять на это 2 дня? Читал альманах, понравились 2 рассказа Олега Щербановского: «Поздней осенью» в 17 номере и «Через перевал» в 19-м. Хороший психологический анализ, жизненно, правдиво. В обоих рассказах конфликт восторженно, патриотически настроенной, глубоко эмоциональной девушки с эгоистическим, самовлюбленным, отсталым и т. п. мужчиной. Торжествует, как [оно] и следует, хорошее. Изложение живое, захватывающее, язык правилен, без неуклюжих оборотов. В [этот] альманах следует заглядывать – кое- что полезное [в нем] есть. В 15 пришел Засорин, пошли в Дом пионеров [и школьников, т.е. на Калининскую переправу через Золотой Рог, сразу вверх от городского причала, который и был в приземистом одноэтажном здании ДП, в годы революции первый Совет города, нынче не знаю что], получить задания [на поход], но неудачно, тов. Иванова [Марья Иванова, высокогрудая стройная строгая брюнетка, директриса ДП] уже ушла. В учительской завуч ДП [Матова, тоже хорошо собой была, с матовой нежнейшей кожей на лице, шатенка, чуть поменьше Ивановой, но не менее стройная и еще строже, как и положено завучу подобно старпому на корабле], сообщила мне, что на 10 дней [похода] руководитель есть, но на 30 никто не соглашается. Один молодой человек, сидевший в учительской, вероятно, тот самый руководитель [на 10 дней] – со снисходительностью сказал, что нам лучше идти сначала на 10 дней, что как бы уже через неделю не запросились домой. «Это Вы сами бежали домой через недельку?» – спросил я с иронией. Присутствовавшие в учительской улыбнулись. Когда я сказал об этом Ю.З. [Юрию Засорину, физоргу школы, видимо, поджидавшему меня почему-то возле учительской в коридоре] он ухмыльнулся: «Такого мы и сами проведем». [Он был прошлым летом в месячном походе с физруком Михаилом Семе-

новичем Дацуном, отнюдь не любителем ходить, прозагорали на пляже под Находкой. Теперь Юрию и кое-кому из прошлогодней группы хотелось как следует пройтись по тайге, чем он заразил и меня, собиравшегося «вдарить» на сей раз после экзаменов (тогда были начиная с 6-го класса) по философии, как год назад по политэкономии, а потом в колхоз, в 3-й уже раз... Но походом я сразу загорелся и поход тот 62-хдневный, можно сказать, как и вообще школьное комсомольское секретарство, сакрально-уникальное, – определили всю мою дальнейшую жизнь. Я сразу взял организацию похода в свои крепкие секретарские руки: я был еще секретарем комитета комсомола школы]. На обратном пути зашли в школу, чтобы окончательно договориться с директором, но не удачно, её не было, придется мне завтра.

14 июня.

Проснулся еще в 3 часа, это слишком рано, снова лег и час проспал, встал в 5.20. За 4 часа пробежал наперед чуть не половину математики за 10 кл., все понятно – Потом в райком с Засориным. Затем в санветпункте нас проинструктировали, как проверять исполнение решения райисполкома о борьбе за сангигиену. Дали удостоверения уполномоченных. Завтра мне нужно отрядить туда еще 10—15 комсомольцев-добровольцев.

Пол затем красили в школе, это уж конец, наконец, ремонта

К 17 пошел в лакобанку [на месте нынешнего дворца спорта радиозавода стучала автоматическими станками когда проходишь мимо], хотел поработать на погрузке, однако работы не было, но завтра, сказали, много, с 17 аж до утра. Почти все ребята наши походники, Засорин и я бригадирами, за день стали мы с ним и уполномоченными и бригадирами.

15 июня

Утром разжевал тригонометрию за 10 класс, кроме симметрий высшего порядка, ходил в школу, двинул с директором все что нужно по отправке 250 старшекласников в колхозы.

С 17 и до 8 утра грузили ящики с баночкой, подавали хорошо и выработка, как будто, неплохая. Утром к 10-ти мне опять нужно было в школу по отправке в колхозы, с 12 до 14 спал, а затем сонный ездил в Дом пионеров на встречу с Ефр. Гавр.. Встретила нас Мария Ивановна, директор ДП, вскоре пришел и Ляшок, предложил идти аж до Хабаровска, причем самой тайгой, через верховья Уссури и Имана, с заходом на высшую точку Приморья г. Облачную и ещё вершины на 3! К моему удивлению М.И. сразу согласилась, дает 3000 рублей, рюкзаки, палатки, посуду.

Под конец пришла Ант. Ив. поделилась со мной своим огорчением, сын её получил годовую «четверку» за поведение, хотя по предметам лучший из всех 9-х классов. Пишу уже в ночь на 16-е. Ночь не спал, в 20 мы снова заступили на работу до 7-ми, когда начался дождь. Сначала, как и вчера шли легкие ящики с баночкой, а последние часа полтора пошли тяжеленные с крышечкой, килограмм под 40, на них и вымотались мы как следует.

17 июня

В половине 8-го пришел домой и сразу залег спать за обе ночи – аж до 17-ти! Затем на свежую голову взялся за бином Ньютона, ничего страшного, меньше чем за час одолел, суть только понять – и все просто.

18 июня

С утра повторил еще бином и соединения, бегло уже прочел остальные три главы, элементарка по алгебре и геометрии закончена, остаются только тригонометрические уравнения и аркфункции.

Днем приготовили 80 повесток в колхоз, до 16. В 13 уже приходили туристы, поговорили насчет снаряжения и обязанностей в походе.

После 17 ходил с Гопонюком стрелять из двустволки, которую нам дает его отец. Завтра начну писать характеристики десятиклассникам [комсомольцам, а это почти все, около сотни]. Ох, много их, и надо чтоб не под одну гребенку.

3 июля. Утром со школы позвонил А. М. Ивановой, руководителя [похода] они так и не нашим, придется, видимо, брать от школы. Что-то она говорила о «коллективности руководства», это в том смысле, что фактически руководителем буду я, а взрослый для проформы. С Мих. Сем. [физруком], пожалуй, так получится, он уже не раз подключался даже приказами директора в помощь мне в массовых мероприятиях, как сбор металлолома, отправка в колхоз, снять класс с уроков физры, отвести куда-то строем, так что ему не привыкать.

Как мешает мне моя нерешительность, мнительность, это ненужное волнение, жалость и ложный стыд. Надо все это искоренять, тем более что могу. Честолюбивые мечты надо подавлять, не утрачивать чувства реальности

4 июля. Утром отыскал все сочинения за 9 класс, прочел, сшил вместе. [И затерялись! А среди них было два, которые Татьяна Ильинична Ткалич читала в других 9-х классах. Она была женой второго секретаря РК КПСС Ткалича Андрея Петровича, который в нередких посещениях школы всегда крепко здоровался со мной за руку. Я думал тогда, что читала она те сочинения для поднятия моего секретарского авторитета – не то, конечно: просто ее саму восхищал мой быстрый прогресс в словесности: в начале 8 класса двойка за диктант, в неделю выучил правила и уже была четверка и через месяц пятерка, а в 9-м такие вот сочинения, что можно прочесть в других классах]

Руководителя нам все нет, пошел по этому поводу в школу, А.П. не было, собрался было уходить, оставив записку у дежурного учителя, как пришла, была очень вежлива и дружелюбна со мной, я воспользовался таким ее настроением для ознакомления с маршрутом, стараясь не особенно пугать трудностями и опасностями. Зашли еще физручка Елена Мих. Игуменцева и завуч И. Георгиевна, затем Юра Засорин. Он,

напротив, стал напирать на сложности маршрута и без того уже изрядно обеспокоившего А.П.

– Маршрут труден, вам нужно будет постоянно двигаться вперед, а захочется и поохотиться, и рыбку половить и просто позагорать, отдохнуть. Вам бы маршрут поскромнее, на такой и руководителя найти легче. – Но убедить нас было невозможно, и она, видно это поняла.

– Кого вам: Елену Михайловну, Фаину Сергеевну или Михаила Семеновича?

Я спросил у Игуменцевой – Фаина Сергеевна бывала в тайге? – нет.

– А Вы? – Тоже.

Тогда Юра З. сказал: – Нам лучше Мих Сем., только чтобы не останавливаться по-полмесяца на месте, как в прошлом году.

А.П. поспешила нас заверить, что такого не будет, она его проинструктирует. Тут открывается дверь и сам М.С. на пороге.

– Вот ребята хотят Вас в руководители.

– Как, ничего не слышал. В первый раз слышу!

Тут он увидел на столе карты.

– Это карта маршрута, ну-ка покажите мне.

Я начал рассказывать.

– Сумасшедший маршрут!

Однако, он проявил неожиданную уступчивость, не стал упираться, попросил лишь день на раздумье – это его привычка все оттягивать. Но А. П. строго сказала, что решать надо сегодня, несколько учителей целую неделю еще не в отпуске. М.С. попросил список отряда и больше не колебался, сказал, что ребята физически развитые, выносливые, надежные, только он сразу предупреждает, что все дела и хлопоты за нами, а он только при нас будет осуществлять общее руководство. Пускай – мы будем осуществлять конкретное. Когда вышли из кабинета директора, он сказал даже, что и деньгами пусть распоряжаемся мы сами, он будет лишь кассиром

Ну что ж, нас вполне устраивает, беспокоиться ему не о чем, большую часть организационной работы мы уже проделали, остается лишь краеведческую закончить, по библиотекам и музеям

Вернувшись из школы, мы решили было порыбачить, пошли к Тарасу [Тарасенко Гена, начавший семилетку с нами, или даже и 8-й кл., будучи двумя годами старше, потом работал] насчет лодки [он жил на северном склоне Двухгорбовой сопки, теперь Бурачка, имел площадку возле Мальц. переправы; я с ним рыбачил раза два в проливе Босфор, ловили камбалы помногу, мать его продавала на Мальцевском базаре], но расхотелся южняк, в пролив не выгребешь

5 июня. С 5.30 утра повторил цитаты, болтался пару часов без дела перед экзаменом – сочинением. Темы были след.: «Обломов», «Базаров и его родители», «Сатирич. изобр. Высшего света в романе «Война и мир», выбрал вторую. Какую-нибудь ошибку, наверное, пропустил. Потом с Тарасенкой в город: он по делам, я в биб-ку. Купил Энгельса «Жилищный вопрос», «От утопии к социализму» и «Наемный труд и капитал» Маркса. Дома прочел брошюру «Атомная энергия».

На прогулке, в который уж раз думал в связи с записанным 28 мая и 1 июня. Если бы можно было заглянуть в ее душу! Ведь это единственное мое сильное влечение, все остальные были слабы и мимолетны. Попытаюсь описать прогулку

Из оврага я приподнялся на небольшой пригорок [как раз на месте потом шлаколитого дома и времянки рядом, где я жил рядом с отцовской семьей временами с 1960 по 82-й год] и сел отдохнуть. Солнце уже зашло, было темно, лишь на западе, затянутом туманом, едва светило. Тишина [это было в ста метрах от нынешней трассы на Окатовую с Диомидом, напротив общежития радиозавода!] стояла глухая, лишь лаяли собаки и доносился отдаленный слабый шум судов в бухте Диомид. Такая тишина бывает только в туман, мелкие капельки медленно опускались на фоне зеленоватых окон напротив и охладили мне лицо. До них через широкий овраг было метров 70, я сидел на мыске между вершинками двух небольших овражков, до нашего дома оставалось метров триста. Крайнее окно с тюлевой шторой было открыто, я знал, кто за ним. Морось сменялась небольшим дождем, который постепенно усиливался. Его тихий шорох действовал на меня успокоительно.

Захотелось лечь навзничь и подставить горячее лицо под опускающиеся из серой мглы капли.

Я хотел подождать, пока закроется окно и в комнате погаснет свет. Капли дождя мерно шумели, падая на землю, на мой пиджак, на мою кепку. Наконец, я увидел, как из-за занавески протянулась небольшая рука и закрыла окно. Я поднялся и быстро пошел вверх по косоугру, несколько раз оглянулся, но свет в зеленоватых окнах не гас. Завернув за угол, я оглянулся в последний раз – окна уже расплывчато пропятывались сквозь завесу дождя. Я быстро пошел вдоль улицы к своему дому, капли дождя мягко постукивали в спину

[На месте первого снесенного деревянного отцовского дома потом был ресторан «Прибой», а теперь большой магазин хозтоваров]

6 июня. Первое, что бросилось мне в глаза, когда проснулся, был яркий отблеск солнца в луже за окном. Все было промыто вчерашним дождем, всходы редиса, листья яблонь и слив. На яблонях были редкие белые цветы. В воздухе слышался особенный, мерный, отдаленный утренний шум бухты, лай собак вблизи и веселые крики ребятишек. Там и сям жизнерадостно кричали петухи.

В полдень было тихо и солнечно, легкий ветерок слегка шевелил листву на тополях и мягко ласкал волосы. Я лег на скамейку лицом вверх и закрыл его рукой. Доносились различные звуки: не раздражающий шум где-то работающей на холостом ходу машины, не заглушавший шелеста листьев, голосов ребят и крика петухов. Минут через 15 я встал и пошел в школу.

Под вечер погода стала портиться, солнце временами закрывалось облаками, тогда усиливался ветер. На Русском острове, неясно видневшимся на юго-западе, белый плотный туман сел на вершины сопок. Вечером ветер немного стих, но солнце ушло в темные тучи. Когда вышел на прогулку, светило уже село в плотный туман, который надвигался от пролива. Шум листьев деревьев то утихал, то усиливался, собаки не умолкали, где-то стучал мотор, доносился неясный говор громкоговорителя в клубе [Воя машин, ныне непрерывного, не было]

7 июня. Утром занялся переустройством комнаты для летних занятий. Во-первых, расставили с Сашей [брат почти на 2 гола моложе, родители сделали летом 1955 года, когда я был в колхозе, – младшие братишки подросли, к рубленому дому 6 х 6 м. пристройку с запада 3,5 х 8 м., выступающую на два метра за сев.-западный угол дома Таким образом мы получили с братом Сашей помещение с отдельным входом из веранды 5 х 3,5 метра. Брат был гулена, но учился классом за мной хорошо, являлся вечерами только ко сну, обеспечивая тем мне идеальные условия для занятий, надо это сказать] более удобную кровать, так что стол стал у окна, как давно бы надо.

9 июня. Был в райкоме, тов. Суворова поручила мне подыскать 10 комсомольцев для проверки исполнения хозяйственниками решения райисполкома. [!]

12 июня. Позавчера только сдал около 20 часов последний экзамен по английскому, как увидел человека уже пожилого, но крепкого, кряжистого, с почти прямоугольным коротким широким лицом, говорит своеобразной скороговоркой какой-то, в грамоте, сразу понятно, не силен но много повидал. Наконец-то нашли нам настоящего таежника! Ефрем Гаврилович Ляшок еще до войны водил группы взрослых до Комсомольска-на-Амуре и Совгавани. Имеет всякие связи наверху и вообще нам понравился, человек цельный и без малейшего высокомерия. Наш маршрут по югу Приморья по долинам Улахе и Даубихе его не впечатлил, и он предложил свой, не уступающий нашему по протяженности, но намного превосходящий сложностью: до Тетюхе, через главные хребты Сихотэ-Алиня, потом к Находке. Мы о таком и подумывать не смели, проходит через даже никем не посещавшиеся места, даже самим Арсеньевым Нечего говорить, что мы тут же согласились

Каникулы начались с сего дня Неласково: весь день дождь, ветер, пасмурно Просмотрел «Дикорастущие ягодные растения», «Курорт Вангоу» и «Ядовитые растения лугов и пастбищ». В 12 пошел в школу, потолкался там – и в райком, надо было узнать по карточкам некоторые адреса. Пересчитал карточки – у нас 273 комсомольца на учете, 5 исключены как неизвестно выбывшие. Вечером на собрании с родителями книгу мне дали «за успешное окончание 9-го класса»

13 июня. В школе парты красил, полы мыл, таскал доски и т.п., поцапался с историней [Александра Николаевна Тимофеева, молодая, стройная, невысокая, второй, кажется всего год в школе, недурная бы даже лицом хорошего овала и с нежной кожей, если бы его не портил несколько навислый носик, да некоторая пучеглазость. Как и у братца ее Валентина, стройного щуплого паренька нашего возраста, но лучшего в школе бегуна. Да, они приехали года за два [до 1956], а лет ей было 28. Основная, как оказалось, моя гонительница в 10 классе, и теперь понятно почему, в конце 10-го недоумевал, так как не перечитывал сей дневник], она в амбицию вломила и не пустила девочек из 8-а в райком. Никогда такого не бывало, чтобы учителя ставили мне палки в колеса комсомольской работы! [Я забыл тогда, ту «поцапку», много подобных было, а она, понятно, не забыла]

Видел сегодня девочек из 10-а класса, но без нее [без Ольги Шапоткиной]

14 июня. Проснулся еще в 3 часа, это слишком рано, снова лег и час проспал, встал в 5.20. За 4 часа пробежал наперед чуть не половину математики за 10 кл., все понятно. Потом в райком с Засориным. Затем в санветпункте нас проинструктировали, как проверять исполнение решения райисполкома о борьбе за сангигиену. Дали удостоверения уполномоченных. Завтра мне нужно отрядить туда еще 10—15 комсомольцев-добровольцев.

Пол затем красили в школе, это уж конец, наконец, ремонта

К 17 пошел в лакобанку [на месте нынешнего дворца спорта радиозавода стучала автоматическими станками, когда проходишь мимо], хотел поработать на погрузке, однако работы не было, но завтра, сказали, много, с 17 аж до утра. Почти все ребята наши походники, Засорин и я бригадирами, за день стали мы с ним и уполномоченными и бригадирами

15 июня. Утром разжевал тригонометрию за 10 класс, кроме симметрий высшего порядка, ходил в школу, двинул с директором все что нужно по отправке 250 старшеклассников в колхозы

С 17 и до 8 утра грузили ящики с баночкой, подавали хорошо и выработка, как будто, неплохая. Утром к 10-ти мне опять нужно было в школу по отправке в колхозы, с 12 до 14 спал, а затем сонный ездил в Дом пионеров на встречу с Ефр. Гавр.. Встретила нас Мария Ивановна, директор ДП, вскоре пришел и Ляшок, предложил идти аж до Хабаровска, причем самой тайгой, через верховья Уссури и Имана, с заходом на высшую точку Приморья г. Облачную и ещё вершины на 3! К моему удивлению М.И. сразу согласилась, дает 3000 рублей, рюкзаки, палатки, посуду.

Под конец пришла Ант. Ив., поделилась со мной своим огорчением, сын её получил годовую «четверку» за поведение, хотя по предметам лучший из всех 9-х классов. Пишу уже в ночь на 16-е. Ночь не спал, в 20 мы снова заступили на работу до 7-ми, когда начался дождь. Сначала, как и вчера, шли легкие ящики с баночкой, а последние часа полтора пошли тяжеленные с крышечкой, килограмм под 40, на них и вымотались мы как следует

17 июня. В половине 8-го пришел домой и сразу залег спать за обе ночи – аж до 17-ти! Затем на свежую голову взялся за бином Ньютона, ничего страшного, меньше чем за час разжевал, суть только понять и все просто

18 июня. С утра повторил еще бином и соединения, бегло уже прочел остальные три главы, элементарка по алгебре и геометрии закончена, остаются только тригонометрические уравнения и аркфункции

Днем приготовили 80 повесток в колхоз, до 16. В 13 уже приходили туристы, поговорили насчет снаряжения и обязанностей в походе.

После 17 ходил с Гопонюком стрелять из двустволки, которую нам дает его отец. Завтра начну писать характеристики десятиклассникам [комсомольцам, а это почти все, около сотни]. Ох, много их, и надо чтоб не под одну гребенку

21 июня. Из библиотеки зашел в ДП, сразу же за мной Ефрем Г., Марья Ивановна накинула нам еще тысячу, с школьными уже больше пяти, пошли за тем же – побираться – в Краевую детскую турстанцию (ДЭТС) Она возле 13 школы, вверх от вокзала на сопке, рядом вприпрыжку через узкий щебнистый проулок, внизу близок залив. Пришли туда и почему-то Ефрем осторожно так, что мы от 27 школы, а не от ДП, ...а о маршруте ничего. Обещали, однако, помочь, Е.Г. надеется содрать с них тыщонки две

На обратном пути снова зашел в школу, *имел там долгий разговор о том и о сем* с Ал-ой Павл-ой. По пути зашел на лакобанку, вручил отношение директору на изготовление жестяных ведер, он молча написал: «Изготовить». Вечером ездил в рыбпорт, поговорил с ребятами [взрослыми – хотел бы знать сейчас о чем, видимо, по райкомовскому поручению, и еще больше, о чем могла долго говорить со мной директриса школы]

20-го, сходя в школу, засел за характеристики, за 6 часов кряду накатал для 10-а и 10—б. Читал немного из «Молодой гвардии»

Сегодня, написав еще 15 характеристик для 10-в, отнес двум первым [классам]. В кабинете директора было полно учителей; когда все разошлись по классам, поставил на характеристики школьную печать и пошел раздавать

Сразу же был осажден ребятами, вроде бы довольны, но пеняли на плохой почерк. Кто ко мне поближе [жаловались], конечно, из 10-а Света Билько*, она всегда прямо говорит. Осталось еще 12 характеристик и гуляй.

*Она в сент. 54-го предложила на общешкольном комс. собрании меня в комитет – тем самым решив мою судьбу

Юрий же оказался менее удачлив, столяр в отпуске, поэтому отказался делать ручки к топорам, придется мне, я уж делал. [Одна из них потом так восхитила удэгейца, встретившегося на Имане, что попросил обменяться топорами и в придачу много свежей рыбы. Теперь давно такие фигурные и вычурные не делаю, просто подходящую ровную заготовку из крепкого дерева подходящей толщины прогоняю через обух до комелька, много быстрее и никогда не соскочит]

22 июня. Дописал характеристики, отнес, отдал комсоргам. Имел с директором Ал-ой Павл-ой длинный разговор о том и о сем, о чем писать не стоит* [сейчас бы прочесть! *Было время, очевидно, у ней, – а выспрашивала, наверное, чтобы понять, как это я в 8-м классе – какими свойствами характера! – в двухтысячной школе создал энтузиазм...]

Уколы от энцефалита сегодня не делали, наш врач отсутствовала, санэпидстанция дает вакцину. Спросил у А.П., кто представлен к медали в этом году, сказала, что Ермаченко Вера и чтобы я сам непременно «тянул» на медаль, если не на золотую, то на серебряную. На золотую мне ни за что аккуратности и прилежания, главное, угождения не хватит

Чувствую, изрядно охладел к О.Ш. [Ольге Шапоткиной]. Видно, ощущение реальности возросло. Довольно раздерганную жизнь сейчас веду. Между прочим, думал, что математика

10 кл. трудна, а одолел между делом за 4 дня, часа по два в каждом. И какое-то даже пренебрежение чувствую к ней, вроде как к шахматам, из-за простоты

И что же мне делать после этого в школе битый год еще?!

23 июня. В 14 переехал бухту, поднялся к ДП. Там ждали уже нас фотограф ТАСС и корреспондент. Поговорили с нами, расспросили. Корреспондент – молодой, лет 26—30, человек, курчавый, волосы назад, лицо треугольное, большой лоб, смотрит через круглые очки пылливо, говорит четко, негромко. Фотограф уже пожилой, худой, с маленькой головой. Пришел он в фетровой зеленой шляпе, подняв воротник плаща. Он раскланялся с нами, приподняв шляпу, чем рассмешил ребят. Сделал снимков с 5.

Возник сегодня ряд вопросов, но нет времени записать. И желания, главное

24 июня. С 5.30 прочитал текст по английскому, в половине 7-го подался за хлебом. В рыбкоопе [Диомид] очередица была человек с 200! Пришлось переезжать на Мальцевскую [на ту сторону!], вернулся к 10-ти, итого больше 3-х часов! Переправившись на катере назад на Чуркин, встретил Ермаченко Веру и Шапоткину Олю. Поздоровались, разошлись. Как будто ничего не было. Хорошие мы с ней конспираторы

Вечером вчера часов в 9, выходя из оврага к дороге, увидел впереди девушку в красном платье. Уже темнело, потому что Ольгу никогда не видел в красном, узнал лишь догнав ее. Она улыбнулась мне, я ей – и по инерции устремился дальше, спросив лишь: «Не замерзла?» – и не услышал ответ, был уже далеко. Нет, чтобы остановиться, подождать! [Такое неумение использовать момент именно в отношении женского пола преследовало меня потом всю жизнь, за исключением, последних лет, когда возможности почти исчезли. Потому, конечно, что эта тема всю молодость, да и всю жизнь, как оказывается, не была для меня на первом плане]. Утешил себя тем, что зайду на обратном пути и возьму у ней тетради за 10 кл. по математике, которые она пообещала отдать мне еще 21-го, но в ее окне в сумерки не было света.

Позавчера тоже не мог – она готовилась к выпускному балу, было не до меня, тайного ее поклонника. И вчера не зашел, поразмыслив – вспомнил, что она ведь всю ночь не спала, да и стемнело, неприлично стучать к девушке, да и вообще надо стараться всё делать при свете дня. Но сегодня пресек все колебания. На кухне у них, за которой её комната, был свет, но не было никого из малышей, чтобы позвать её. [У неё был, помню, брат старше ее, никак не малыш, стало быть еще не меньше двух, т.е. не меньше четырех детей, как и у нас, и она, похоже, старшая, как и я], на стук никто не выходил. Я оказался в глупом положении: никто не выходит, а отступить в третий уж раз было не в моих правилах. Калитка или, вернее, воротца открывались наружу, я поднялся по трем каменным ступеням па крыльцо, на которое попадаешь сразу с улицы. [Широкой тропы у ручья Дом Шапоткиных был не меньше нашего, но, помнится, «засыпуха», небольшой огород теснился на узкой полоске между ручьем и скальным выходом, останцем, выше их огородика на косогоре; совсем рядом со скальными выходами было плоское возвышение, на котором какие-то загороженные склады. Мощные бульдозеры потом сокрушили скальные останцы, теперь там многоэтажки, но домик, возможно и уцелел до сих пор, только еще круче стал косогор, по которому взбегал их огород. На мать Ольга не походила, та была некрасива и как будто даже кривонога, отец был тоже темный шатен, худой какой-то, сутулый. Узколицы оба ее родителя, темнолицы, с острыми подбородками, не взглянут даже, когда идешь мимо, затурканные какие-то. Ольга же была почти блондинка, синеглазая белоруска, с идеально правильными чертами лица, с белой, даже розовой кожей, очень соразмерного роста и сложения. Она была легка характером, в меру весела, осторожна,

ее оба года моего секретарства выбирали в учком, училась средне, говорить мне с ней было затруднительно, совершенно не находилось, кроме погоды, каких-либо общих тем.] Входная дверь в дом была далеко – за крыльцом довольно длинная веранда, постучал еще раза три. Никто не вышел. Постучал громче и прошел ближе к двери, постучал и там. Через окна в сенях видна была переборка, делившая дом пополам, а эти половины еще на неравные части, прихожую, с ней дверь прямо в комнату Ольги, с окнами на ручей, и вправо на кухню, к склону, дальше от ручья, откуда, видимо, была дверь в спальню родителей. Потом в коридоре стало светлее, и я увидел её через наружные и внутренние рамы сеней в том же красном платье, что и вчера. Она же не могла меня видеть, с моей стороны были уже плотные сумерки, подать голос не догадался, она и вернулась назад в кухню. Тогда я снова постучал еще раза три почтее и погромче, и она вышла, улыбаясь.

– Ну и долго к тебе достучиваться!

– А я услышала, вышла, но не увидела. Ты за тетрадами? А я не могу их отдать, брат попросил за 9 и 10-й в тот же день.

Говорила она легко, свободно и без малейшего смущения, ну и понятно – родственникам, прежде всего. И хотя такого оборота я не ожидал, но быстро сообразил, как еще уцепиться:

– Мне, собственно, не сами тетради нужны, мне не нужны решения задач, а лишь номера их. Я теорию на днях разобрал, надо закрепить задачками, не весь же задачник Ларина решать.

– У меня мало этих номеров, у меня в тетрадях такой беспорядок.

– Ну ладно, извини, не беспокойся, спрошу еще у кого-нибудь, просто ты ближе всех живешь.

– Я спрошу у Вали, может она даст.

– Да ладно, не беспокойся, черт с ними, с этими задачками, не так-то мне они нужны.

Она тоже это понимала, улыбалась, мне же было не до улыбок.

– Значит все, – сказал я.

– Все, – ответила она -До свид. -До свид., Юра

А что, собственно, «все»?

Для меня эго был конец надежд, а для нее просто разговора. [Хотя она не могла не догадываться о моем равнодушии в школе к ней, вряд ли могла представить глубину обуявших меня чувств и их силу. Ведь к ней, как самой симпатичной, равнодушен был не один я, и постарше поклонники уже были, и не один, а она, похоже, ни к кому не испытывала особых чувств – даже и за всю жизнь, как это нередко бывает с красавицами. Во всяком случае, ее последующий (после завода, вуза) избранник не блистал ни красотой, ни статью – краснолицый, кажется, и с ранним брюшком, зато был наверняка покладист и обеспечивал. Она просто выбрала наилучший вариант, или уж больно настойчив оказался. Этот прагматизм я увидел в ней уже через год после первой встречи в колхозе летом 54 года, и вполне в конце [своего] 8-го класса, стало быть, уже год чувствовал, что лелею необоснованные надежды.

Уже тогда понимал ясно все природное неравенство 17-летней девушки с ее ровесниками, а я двумя-тремя месяцами даже был моложе – ей вот-вот выполнять природное предназначение, а какой я помощник и обеспечиватель? И смутно хотя, ощущал уже я, свою непрактичность, в помощники в этом хотя и необходимом, – но по мне слишком банальном.

А для меня было еще далеко не «все», всю остроту неразделенного чувства мне пришлось ощутить сразу же. А в тот вечер я немедленно засел за самые первые свои мемуары, поняв, что только так смогу овладеть собой. Привожу их без всякой правки, разве если бы внес ее сразу и тогда.]

[Первая попытка воспоминаний в 1956-го года мае]

Как всё это начиналось? В 1954 году попал в колхоз. Случайно, просто зашел в школу, а там полно старшеклассников – завтра их отправляют в колхоз. Тогда я сообразил быстро и записался, хотя старшеклассником не был, только закончил 7-й класс. Но был даже крупнее многих закончивших 8-й, [да и разница с некоторыми была всего 1—2 месяца, брали в 1-й класс если не хватало не больше полумесяца, а мне почти полтора. Этот пустяк, случайность рождения 12 октября, оказался судьбоносным, как и тогдашняя поездка в колхоз, которой прошедшим летом было ровно полвека] ... В колхозе я впервые в настоящем коллективе оказался ... Я был тогда наивен, прост, самолюбив, хвастлив немного. Не столько хвастлив, сколько хотел поделиться имевшимся у меня, на мой тогдашний взгляд, хорошим, дать пример. Поэтому я говорил девочкам из 9-а класса [в следующем уч. году], державшимся своей стайкой и какая-то из них пригласила меня на первую же прогулку в «село», школа была на краю [ближе к полям Приханкайской полосы с востока, село Чкаловское], – как много читаю (они, правда, сами спрашивали), как быстро хожу – тоже в ответ на вопрос, гуляю ли, я и говорю, что стараюсь обогнать и обгоняю всех, или, забежав вперед, извинялся, что, дескать, ваш темп не для меня

... Прогулки эти – неделе следовали вечером у костра сидения и пению-слушанию песен, – меня, младшего из всех, – одна из двух будущих десятиклассниц, Ольга Макарова, – избрала для тех посиделок ... что и тогда мне было лестно ... но вспоминается с тоской и нежностью ... и недостаток, который она наверняка не замечала, легко устранимый – меркнет: – из-под мышек показывались пучочки светло-рыжеватых волос, это меня тогда как-то даже оттолкнуло ... но запомнилось. Ген такой разборчивости несущий, да и не один, видимо, по этой-то линии и произошёл, видимо, отбор]

Повезло мне в колхозе и с руководителем, Григорием Петровичем Рыбалко, инструктором райкома партии (а райком тогда был ого-го-го). Школьников тогда отправляли в колхозы впервые и не доверили руководство отрядом просто учителю. [Как же поразительно было всего лишь через год на его месте оказаться мне, только лишь после 8-го класса! Трудненько после такого аванса честолюбию заставить себя подчиняться, да вряд ли возможно, как показала последующая жизнь. Много в жизни определяется опытом ранней юности в общественном поведении, как и младенчества в индивидуальном]. Григорий Петрович Рыбалко совсем был прост, на одной ноге с нами, особенно со мной: в прошлом армейский капитан [но разительно отличался мягкостью обращения от отца, в армии лишь лейтенанта], не раз мне говорил, что очень доволен отправкой с нами в колхоз, зарплата в райкоме идет и командировочные, к тому же и питается с нами. А кормили нас отменно: всегда молоко, сметана, творог и мясо-рыба каждый день. [То ж еще 1954 год шёл! Сталинский дух ещё держался, за воровство тогда отсылали, куда и Макар телят не гонял. Уже через год, в мое руководство колхозным отрядом этот дух держался, а ещё через четыре, когда я прошёлся по многим сёлам – совсем не то уже было, стремительно выветривался этот бодрый дух, что я ощутил на самом себе ещё в «нежном возрасте». Но опережаю дневник.]

Из ребят в отряде мне знаком был лишь председатель совета пионерской дружины комсомолец Шевченко Юра, он классом старше шел или даже двумя, хорошо рисовал стенгазеты, кучерявый смуглый красивый рослый брюнет. Но не к нему почему-то благоволил Григорий Петрович, а ко мне. И вскоре я услышал от Юры, моего тезки (наши постели на полу в ребячьем классе были близко) негромкий мат, созвучный с моей фамилией. Я проглотил, конечно, боевое моё лето 53-го отошло год назад, но глянул так, что больше от него (а он и сказал мат тихо, – чувствовал, видимо, что если бы сказал громче, то я мог врезать кулаком по его холёной барской морде – кстати, по случаю он матерился, не часто), – больше от него ничего подобного не слышал, и вообще он к концу стал как-то стушевываться, а потом, когда начались занятия и я вдруг возвысился, и совсем сник. [Его манеру говорить, подшучивать, иронизировать я усёк

вскоре в секретарях горкома комсомола, особенно втором, Дульцеве – то были самые первые признаки разложения комсомольской элиты, в которой по прошествии времени после чистки 30-х годов всплывали люди по природе грубые, гедонисты и циники. Они как-то сразу, опережая, улавливали опасное для них несходство и старались подавить заранее подрастающего, но пока мне предстояло резкое всплытие. Повторяю, год шел еще только 54-й]

Из девочек я знал только Свету Билько, тоже из совета дружины, в основном были тоже восьмиклассники, окончившие то есть 8 класс; две будущие десятиклассницы, Валя Безручко [ах да, её-то я тоже знал, ещё бы: она была «комсомольская богиня»], секретарь комитета комсомола школы, но явно слишком простая и скромная для такой высоты, что было очень заметно прошедшим учебным годом. А до неё помню из секретарей Зотова, тот вальяжен был, потом Абруцевич секретарил в год смерти Сталина и приём массовый в комсомол организовывал ... но он, как и Зотов, был десятиклассник... Потом помнили учителя ещё дольше – лет 10 только меня... И где-то уже за горизонтом моего восприятия были совсем уж легендарные секретари, из которых помнится лишь о Александре Ткачёве, старшем брате Льва Ткачёва, потом народного артиста России и главы акционерного общества примтеле-радио, которого-то я знал хорошо, он был в десятом, когда я начал главенствовать в школе в 8-м, – а о Валентине, старшем из братьев Ткачёвых, напомнил мне один из деятелей тогдашних туризма в крае Левицкий в 1956-м, как об организовавшем 1-ый школьный туристический лагерь еще в 1950-м...

В остальном комсомольские дела были до меня незаметны как-то, но, несмотря на это некоторая аура, точнее нимб избранности, как бы сиял вокруг головы каждого из секретарей, в том числе и совсем непритязательной Безручко Вали. Кстати, первой из «комсомольских богинь», – а то всё «боги» были.]

Партиец наш Григорий Петрович на выездах на работу бывал редко и сразу исчезал, но вечерами я с ним ходил по селу покупать огурцы, за хлебом, когда медлили с подвозом. Раз вечером он организовал рыбалку в илистой узкой речушке – пидсакой, то есть прямоугольной рамой из прутьев, с натянутой в виде большого сачка делью. Уж поело нас на закате комарьё, голая широкая спина с веснушками Григ. Петр, аж вспухла, но он был весел. И все мы, всего четверо, держались стойко, хотя были искусаны комарами, замёрзли и продрогли. Рыбёшек было всего несколько, но попалось в пидсаку с ведро крупных раков да несколько перловиц; варить улов было поздно. Спали мы, добравшись до постелей, «без задних ног». А утром каждому из отряда, разумеется, и тем, кто не ловил, как же иначе, досталось по два жирных рака, вкус у них как у чилимов.

Работали мы сначала на прополках, сборках всяких поблизости от села, потом нас стали возить газиком на покосы. Я любил эти поездки по равнине, степь была мне, привыкшему к обрывистому побережью и лесистым сопкам, внове, и я любил, когда машина несётся по грунтовой дороге, тёплый ветер бьёт в лицо, мотает наши шевелюры [увы!], мы в кузове подпрыгивающего на колдобинах газика, ребята и девчата, держимся, чтобы не вывалиться из низких бортов, друг за друга. Однажды нас бросили на прорыв: надо было срочно убрать большую площадь скошенного и уже сухого сена, приближались дожди. Бригадир сказал, что нужно одного на тракторные грабли, четверых на конные, остальные сгребать валки вручную в неудобных для техники местах, по овражкам, низинкам и т. п. Я не медля напросился на тракторные грабли, хотя видел впервые этот агрегат. Ничего хитрого: толстые изогнутые прутья щёткой такой метров 10 шириной, колёса по бокам, сиденье железное посреди, рычаг под ногой, на который нажимать, поравнявшись с уже готовым валком. Надо было нажимать так, чтобы валки оставались ровные, а трактор бегал быстро, поле было не слишком ровное, с кочками местами – чувствуешь себя как на гарцующем жеребце. Сначала то раньше сброшу валок, то позже, но вскоре

наловчился и валки пошли ровные, претензий не было. Колхозники, посадившие меня, чтобы подменить своего на время, не торопились подменять. И мне пришлось прыгать на железном седле граблей часа 3, не меньше. Жара стояла адская, тряска, попадал и выхлоп от трактора, так что я скорее отравился этим выхлопом в конце концов, стало подташнивать – умотался, словом, так, что на обратном пути в забытьё проваливался, как-то держался в кузове подпрыгивающего газика, и приходил в себя, когда тугой, горячий, сухой ветер бил в лицо... Мне, конечно, хотелось выделиться, и это удалось: в тот год всё удавалось...

На копнении сухого клевера нашей паре, где закопёрщиком был я, удалось побить все колхозные рекорды. Опять надвигалось ненастье, снова требовался ударный труд, поле было не охватить глазом, клевер вырос густой и высокий, был скошен, высох и стрёбён в валки, широкие, высокие и частые. Быстро набиралась копна, метров через 10 вторая и т. д. Вилы я держал в руках лет с 10-ти, много навоза повыбрасывал с подстилочной соломой вверх от сарая, каждый день надо было убирать за коровой или через день-два, – мать погоняла, эта работа была на мне, на отце – косьба. По весне растаскивали вверх по склону к Двухгорбовой навозную кучу, накопившуюся с зимы по немаленькому огороду с братишкой Сашей, первые годы ему было всего 8, а мне уже 10, ручки у него тонкие, специально носилки отец сделал такие, что я держал короткие ручки, братец длинные, он вверху, я внизу по склону. Он упорнее меня был, несмотря на малость лет, часто меня даже погонял, давай, мол, скорее. Так что и сила в руках у меня при такой тренировке была. И у напарника моего Толи Васько. У них, как у многих на Чуркине, тоже корова была. Он старался взять навильник не меньше, мы быстро продвигались по необъятному полю и вдвоём устави́ли копнами чуть не его половину, другую убрали человек 10. Мужики с лошадьми едва успевали за нами таскать копны на стога, и вскоре большая часть конного парка работала за нами. Так мы поставили 208 копен, по 4 с половиной дневных нормы, учёгчица сказала: «Никогда у нас мужики так не копнили!» ...Что ж, они, верно, были поумнее, но мы могли ещё больше, если б Толя часто не закуривал, он был двумя годами старше, 17, то есть ему уже было, и дымил во всю. Я же бросил годам к 12-ти, прокурив 3 года, впрочем, курил мало и бросил сразу, как мне показалось, что кольнуло в сердце во время перебежки. В тот вечер [трудовая] слава летела впереди нашего газика Мы были уже отмечены в колхозной стенгазете у правления колхоза, которое было наискосок через широкую дорогу. На ужине дежурные девочки отвалили нам двойную порцию мяса, а учёгчица, нестарая ещё симпатичная женщина, специально пришла, чтобы сказать, что никто ещё так не копнил у них

Понятно, при таких выкладках мне было не особенно до девочек, с Макаровой были сидения у костра в самом начале, а смутно ощущал, нужно что-то дальше, а что? И она, похоже, чувствовала то же: вскоре мы перестали ходить к костру вместе. Тогда вообще старшие девочки главенствовали, их с пяток было. А девятиклассницы будущие не выделялись, они все маленькие были, как на подбор, и худенькие, и Ольга выделялась меньше всех, она совсем ребёнком казалась, но с ними я стал по вечерам прогуливаться – они приглашали. Прогулки были вполне невинные, шли мы по узкому асфальту в сторону центра Чкаловки с километр

Света Билько обычно брала меня под руку, я ту, что рядом, иногда ещё какой-нибудь парень присоединялся. И вот однажды на обратном пути рядом со мной оказалась Ольга, к которой я был тогда еще вполне спокоен. Кто-то из девочек взял меня под руку, я её, – а она вдруг резко отдернула свою руку и покраснела. Это было вполне невинно, я удивился, другие не отдёргивали. И я тогда не столько понял, сколько ощутил, что она не такая, как другие. [Признаюсь, перевожу с тогдашнего языка своего на нынешний, тогда же написал высокопарно]: Известно, что подобное поведение женщин заставляет обращать на них внимание [откуда бы тогда известно?], так и случилось со мной, я заинтересовался Ольгой, просто обратил на неё внимание. Никакого чувства и даже тени его у меня к ней тогда не было. Просто увидел, что

она скромна и миловидна Но немного позднее узнал, что она не только скромна, но и постоять за себя может. Нас продержали в колхозе 20 дней, а потом оставили ещё на недельку, видно, понравилась наша работа. Мы, ребята, были только рады, я особенно, мне было гораздо лучше, чем дома, а вот девчонки успели соскучиться по мамам и некоторые были очень огорчены и чуть не плакали. У Ольги на глазах выступили слёзы, она покраснела – я теперь наблюдал за ней, так как вдобавок к тому, что повела себя недотрогой, заметил, что её охаживают, по меньшей мере, двое, и только её, – больше никакую! Чувствовалось, что она вот-вот расплачется, вот какое она была ещё дитя, хотя старше меня месяца на два. Ну, ребята, увидев, что девчонки распустили нюни, стали над ними подтрунивать, особенно старался я. Это вдруг разозлило Ольгу и она дрожащим голосом крикнула: «Замолчи!! Ты... хвастун!» Запомнила укор мне Светы Билько и отплатила за насмешки над их огорчением. Я смутился, не ожидал от девчонки такой смелости (именно девчонка была, грудок совсем не видно, а уже через год еще какие!) и замолк. С тех пор я вообще ни над кем не насмехаюсь [зато и не терплю малейшей насмешки над собой по сей день, что даже граничит с потерей чувства юмора: я понимаю юмор, но умный, т.е. тонкий. Что ж, ещё Маяковский сказал: «Для веселия планета наша мало оборудована»]. Признаться, этот выкрик её меня уязвил, я считал, что не противен ей. [Может и был, тогда я ещё не знал, что мудрые греки говорили в таких случаях: «Мне твой смех неприятен»]. Так она преподавала мне урок, извлёк, вернее [раз не известно заранее, приятно твоё подтрунивание другому или нет – лучше вовсе воздержаться]

...И до конца колхоза я мало ею интересовался, пока кто-то не сказал мне, что за ней «бегает» сразу двое: Сокол Толя и Осипюк Валерий. Я стал смотреть на неё ещё внимательней, и всё равно чувства не было ещё, слабый какой-то намёк, и лишь в вагоне поезда на пути домой что-то возникло

Когда еду в поезде, у меня обычно грустное, мечтательное настроение, вспоминаю светлое, а больше создаю его в мечтаниях. Но тогда к этому примешалось новое

У окна вагона возле прохода прямо перед моими глазами часто стояла Ольга, рядом с нею Сокол, а немного поодаль неизменно Осипюк. Сокол был красивый парень небольшого роста, черты лица тонкие, с красивыми тёмно-серыми глазами, нежный румянец, русый чубчик. Фигура ладная, крепкая, несмотря на малый рост: он был несомненно красивее всех парней. Но за всей этой изящностью скрывалось скотское отношение к девушкам. Он сильно матерился, цинично отзывался о девочках, именно о них, а не о девушках постарше, своих сверстницах – он шел в 10-й, и был для них мелковат, говорил всякие пакости о девятиклассницах, далёкие от того, что действительно даже могло быть. [А я уже тогда сочувствовал женскому полу, понимая, что несёт основную тяжесть рождения и воспитания детей, всю ответственность – и ещё когда разума нет и быть не может. А Сокол был на 2 года или почти старше, но тогда мне, конечно, и в голову не могло придти, что его, такого красавчика, могли уже развратить сами женщины или окружение]

Осипюк тоже был небольшой паренёк, но красотой отнюдь не брал: и без того лобастый, главным образом из-за узкого лица, сходящего клином к подбородку, он ещё назад волосы старательно зачёсывал, видимо, чтобы казаться умнее. К тому же он был мало что курнос, а даже какой-то утиный был к него нос, был он не то что губаст, а изрез губ неизящный. Говорил он нарочито замедленно, баском и часто на его лице появлялось выражение напущенной важности. Он мне положительно не нравился – к Соколу я несколько снисходил из-за красоты, – а этот был ещё вреден и тоже не стеснялся ввернуть мат даже при девочках. Ни того, ни другого я не уважал, но относился к обоим дружелюбно, как и ко всем, кто меня не задевал

Так мы приехали домой. Через несколько дней на меня напала страшная тоска по ребятам, по коллективу, особенно по девочкам. Уже к троим я имел чувство: к Кузнецовой, к Макаровой и Шапоткиной, в таком порядке я их встречал после колхоза. К первой возникло чувство, потому что она жила в одном из трёх четырёхэтажек, стоявших в ряд справа, как идёшь к Мальцевской переправе, уже близко от бухты, там живут военные. Кузнецова Рита была немного угловатая девушка, с красивыми зелёными глазами на смуглом нежной бархатной кожи лице. Лицо её было не совсем правильным, но особенной красоты, вела себя очень выдержанно, пытался в колхозе её вначале охаживать брюнетистый кучерявый нагловатый красавец Шевченко, называл шутливо «дочкой» (а она таковой не казалась вовсе), но как-то быстро отвалил, а потом не заметно было, чтобы кто-то за ней ухлёстывал. К ней и подступиться было нелегко [после колхоза когда встречались], ходила быстро, не останавливаясь. Раз увидел у их дома на пути к Мальцевской переправе, другой – и тяга к ней возникла, – но идёт всегда озабоченная ...не предпринял ничего, чтобы сблизиться – поздоровались только и разошлись

А Ольга встретила в овраге, по которому я ходил чуть не каждый день, с коровой на верёвочке, неподалёку от их дома. Редко там ходили, мало кто встречался, потому и любил ходить тем оврагом. И не разминуться там, узкая тропка вдоль ручейка, и не уйти ей с коровой на короткой верёвочке. Она заметно как-то взволновалась, покраснела, досадливо улыбнулась, поздоровалась. Я почувствовал, она застыдилась – увидел её с коровой, и прошел, лишь поздоровавшись, мимо, да и знал, опытный сам пастух, что не надо волновать корову, отвлекать от пастбы

[Та картина в овраге внезапно, как въявь, с такой болью вдруг припомнилась мне, так тяжело стало раз ночью лет через 25, – что не только не мог снова заснуть, но встал, оделся и среди ночи вышел из зимовья на лунное морозное безмолвие... И потом не раз являлась, особенно когда увидел её через 45 лет шестидесятилетней, и лишь совсем недавно стало «и не грустно, и не больно» (Шефнер)]

Чувство моё немедленно перекинулось на Ольгу, но уже начинался учебный год, и меня охватили надолго более сильные и настоятельные эмоции

Восьмой год моей учёбы в школе начинался для меня по-новому. Меня обуял сильнейший позыв честолюбия. Я страшно хотел, чтобы меня куда-нибудь избрали. Верхом моего честолюбия было избрание комсоргом [класса]. Меня и избрали, ни у кого не было сомнений, само собой разумелось в классе, и моё честолюбие было удовлетворено, как будто вполне. Но через неделю общешкольное комсомольское собрание, я вылезая на трибуну после отчёта Вали Безручко, преодолев страх выступления перед четвертью тысячи человек, не помню уж что тогда мог сказать – обычное в таких случаях, – наверное, казёнщину какую-нибудь. Я выступал как комсорг класса, не более – подтвердить своё избрание, а может на что-то еще закидывал. Вкус, недаром говорят, приходит во время еды. И меня избрали в комитет, а на следующий день директор Бутовец Владимир Петрович предложили меня секретарём! Этого не ожидал, ведь прежние секретари казались какими-то полубогами, а тут я сам! Но, честно сказать, оглянувшись на 2 года назад, некого больше было: комитет тогда подобрался на удивление слабым, малоинициативным, каждого нужно было погонять, с каждого спрашивать. Это был результат года бездействия Вали Безручко. Лишь на следующий год подобрался сильный комитет, после года моих почти одиноких усилий. То есть работал, конечно, и актив, но только под моим нажимом

[Избранием секретарём я, можно сказать, был ошарашен. Идя домой оврагом как раз мимо дома Шапоткиных, я испытал тягостное чувство, сменившееся, правда, быстро желанием соответствовать этой так внезапно свалившейся на меня избранности]

Об Ольге, проходя мимо её дома, даже не вспомнил. На следующее утро, идя в школу тем же оврагом, я боялся, что никто не будет меня слушать, приходить на мои вызовы, я почти не имел опыта общественной работы, почти никого не знал. А организация была большая, очень большая, самая крупная школьная в крае, потому что и школа была самая крупная. Но у меня было желание общественной работы, чувство долга и гордость. Сначала работать было трудно. Состав комитета был малоинициативен, многое приходилось делать самому, никто не помогал: ни райком, ни парторганизация, ни учительская комсомольская организация. Варились, так сказать, в «собственном соку». Дисциплина была слабая, успеваемость у комсомольцев очень плохая, в 1-й четверти всего 60%, комсорги не работали, посещаемость собраний была низкая, даже сводные отчёты комсорги приносили неохотно, их приходилось понукать (не всех, конечно, но большинство, а их было 13). Я сам отставал по учёбе, сделал 7 ошибок в диктанте, получил двойку, в 1-й четверти имел тройки по русскому и английскому. Тяжело было: требовал от других, а сам получил пару двоек Правда, и времени для занятий оставалось мало. Но главной трудностью на первых порах, вместо помощи, оказался наш директор, Владимир Петрович Бутовец, человек ещё молодой, лет 30—35, но на вид больше: обрюзг, очень пополнил, второй подбородок, зубы крошились, запах гнили от них или тошнотворный сен-сена. Он был вял, безволен, нетребователен, главное, нечуток. Первое и второе видно было сразу, а третье я узнал сразу вскоре после своего избрания, буквально на другой день. Он попросил зайти после уроков для «беседы». Я пришёл, он попросил подождать, жду. Проходит час, он вышел, просит подождать ещё немного. Это «немного» оказалось ещё 2 часа к уже отсиженному! Так я и ушёл, не дождавшись, постучать же не мог в его дверь: у меня закипал гнев, – ушел часов в 17. [по пути домой такие филиппики проносились в моей голове, они-то, пожалуй, и подогнали так быстро мой русский: буквально через неделю после двойки за диктант получил пятёрку: просто заучил быстро правила – правда, та двойка не соответствовала уровню моих знаний, просто очень невнимателен был на том диктанте, в плохом состоянии из-за насунувшегося ненастья: и зная, как правильно, – писал неправильно!]

Так же резко я улучшил речь. На самой первой встрече с активом в актовом зале я вдруг снова не смог начать говорить перед группой человек в 30, хотя только неделю назад без запинки оттарабанил всему комсомольскому собранию, в 300 человек. Ненастье надвигалось, потемнело вдруг, голова отупела, страх появился перед выступлением. Вообще моё состояние сильно зависит от погоды, как себя помню, лет с 4-х. Кое-что всё же сказал, но домой пришёл в тягостном состоянии, лёг на кровать почти в отчаянии, но собрался, решил взять себя в руки, подавлять волнение. Но отвлёкся от Бутовца. К нему у меня появилось презрение, я стал почти игнорировать его, ограничиваясь проформой: допустим, план работы комитета, который он истребовал через школьную секретаршу-машинистку, я, ею отпечатанный, – ею же отсылал. [Она такая молоденькая, худенькая, бледенькая, незаметная была, но всегда быстро отступивала, что просил*: планы, отчёты в райком, выговоры и прочие взыскания комсомольцам, которые тут же вывешивались на общее обозрение. Словом, я действовал строго по уставу комсомола и в соответствии с обязательствами, которые брали члены комсомола на себя, вступая в организацию; по уставу комсомола я не обязан был директору подчиняться. Я чувствовал, что обязан ему помогать в учебно-воспитательной, культурной и общественно-политической работе, – я и помогал, вернее, тянул её, понукая актив]

*8 мая 2020 ... Тогда так не считал ... но опыт жизненный, за лет 65-тилетней далью, сквозь дымку времени почти что нереальную, – равнодушие ея ко мне усматривает ... её был младше я – на лет так пять хотя

Прежде всего, я за неделю учёбу свою подтянул, одновременно комитет, поставив на вид нерадивым некоторым его членам. Надо сказать, все они были неплохие ребята, все неглупы, доводам внимали, были даже и способные – Козлова Лида, милотная, с большим выпуклым лбом, сформировавшаяся девушка из 9-го класса; Болюх Света, она ещё и комсоргом в своём классе была, симпатичная блондинка и тоже очень сформированная уже [не только груди, но и всё остальное. Понятно, в дневнике однообразнее и, разумеется, совсем без нынешних вольностей, – но и в разнообразии описывания одного и того же или близкого, – я «настропалился» к тому времени, как-никак сотни две характеристик комсомольцам двух выпусков из школы к тому времени написал] Заметил, что чем способнее, умнее и красивее были девушки, тем ленивее на комсомольскую работу, но поскольку умницы-то быстро усекли мою линию, и комитет был в моих руках, – слушались. Единственно, Лариса Пацигор из 8-в класса, в работе комитета участия почти не принимала, она была отличница, лучше всех у неё были отметки из всех пяти 8-х классов (пять было и девятых и три 10-к), самая красивая в школе, не исключая и мою Ольгу, лицо тонкое, смугловатое слегка, нежное, глаза внимательные, тёмно-карие, шейка тонкая, вся стройненькая тогда [как некий буддистский божок была спокойна и невозмутима]. Она сразу как-то поставила себя независимо, не вызывающе, но твёрдо, и, главное, я был равнодушен к её красоте, впрочем, и она выполняла в точности свои обязанности комсорга в своём классе. Она твёрдо шла на медаль, но в 10-м её уже не было в нашей школе

Другие комсорги. В 10-а была Галя Слободчикова. Работала она неважно, училась посредственно, круглолицая, в очках, доброе выражение лица и полностью сформировавшаяся, взрослая уже [как бы теперь не преминул сказать цинично, «вполне готовая»]

В 10-б комсоргом была Степанова Лариса, которая была одновременно и членом учкома, училась хорошо, работала тоже неплохо. Она была поменьше Слободчиковой [и не имела её пышных форм], занималась ещё спортом, коньками и велосипедом, участвовала в районных соревнованиях. В 10-м комсоргом была Сергеева Нели, лицо её было особенное – бледное, но не болезненно, с характерным, нервным изрезом ноздрей [как у норовистой лошади]. Она тоже красивая, стройная была, потому, наверное, работала неряшливо, неаккуратно приносила мне отчёты по членским взносам и планы работы.

Итак, подтянув себя в учёбе и уставной дисциплине, я взялся за комсоргов, вклеил трём-четырёх выговоры без занесения в учётную карточку, но с вывешиванием на всеобщее обозрение [сейчас бы сказали – добивался полной прозрачности комсомольской организации]. Разумеется, сначала только в 8-х классах, но и в 9-х и 10-х подтянулись. Затем взялся за группы. Где больше комсомолец не успевало, там устраивались заседания комитета в классах [комитет за длинным столом перед классом, комсомольцев-двоечников поднимаем и спрашиваем, почему плохо учатся, а обещали ведь в заявлении при вступлении. Почему не выполняешь? Тут уж старались больше члены комитета, я только руководил заседанием. Раза два-три раза допекли девчонок, выбегали в слезах из класса. Мне было их жалко, но был твёрд, как и члены комитета. Что интересно: так ж, с допуском всех желающих, беспартийных то есть, проводились и партийные чистки 30-х годов!]; успеваемость не только комсомольцев, но и остальных вскоре поднялась за 90 – почти до 100%! Мы соревнование устроили, в каком классе успеваемость выше. И мало-помалу стало налаживаться и остальное

Вообще-то мрачное для меня было время: год кончался, дни стали темнее, холодало, одет я был легко, бедно: в синем флотском кителе с блестящими жёлтыми пуговицами и в кирзовых, больших сапогах (размер ноги у меня был уже 42)...

В райкоме ко мне относились без особого внимания, но избрали в президиум на районной конференции, на ней, перед закрытием, – членом райкома. А горком почему-то обратил неожиданное внимание [разглядели, что кто-то внизу зашевелился, надо его сразу поставить «раком»]: вызвали, в ноябре, весь комитет на бюро горкома, заслушали, меня, конечно, одного, дали внушение [Буркин, конечно, первый секретарь, крупный, темнолицый, горбоносый, страшноватый – он и стал потом главой КГБ аж Волгоградской области, но умер рано, лет в 40, – больше всех спрашивал, как и я на своих комитетах], написали постановление, а я его потерял к следующему вызову через месяц [самый декабрь, темнотища, а ехать в горком далеко, он в маленьких тесных комнатёчках размещался на остановке не доезжая Лазо... вспоминаю... Политехнический институт, или Дом Союзов? На первом этаже, в углу 4-х этажного здания]. Меня и спросили строго за утерю того постановления, хорошую дали распекацию [Буркин снова, но и второго секретаря, Дульцева после 2-го заслушивания запомнил, он через 3 года моим главным гонителем стал в бытность работы в Первомайском райкоме в 58-м. И он меня запомнил, как нечто восходящее, и хотя я снова перед такими строгими молодыми дядями (Буркин и высок был, большеголов, ну и корпус соответственно, а Дульцев и тогда ниже меня и не подрост, разумеется, а я ещё порядочно) потерял дар речи – ну чем я мог оправдаться в утере постановления – о ужас! – горкома? – он меня запомнил хорошо, я его смутно, но он напомнил через три года). Мне тогда ограничились постановкой на вид. [Но я почувствовал что-то не то в обращении ко мне старших. На меня, хотя я действовал почти так же инквизиторски, почему-то не обижались в школе, никто, – и даже спустя годы, исключённые из комсомола в первый год моего секретарства восьмиклассником два десятиклассника, парень и девушка, один за пьянку, другая за антисемитизм (квалифицированный мною тогда по неупотребительности тогда сего словца и шаткости ещё в терминологии шовинизмом) – обозвала одну восьмиклассницу (Веру Бубенчик) еврейкой, каковой та и была, причём яркой, кучерявенькая и губастая, – встретив меня лет через 5, докладывали, что снова вступили в комсомол, даже обрадовались встрече. Представить только, является 8-миклассник во флотском кителе и кирзовых сапогах на собрание комсомольской группы в 10-м классе и говорит: «Ваш товарищ, такой-то (такая-то) – совершил поступок, несовместимый с членством в комсомоле, надо его исключить» – и голосуют, комитет утверждает, потом и бюро райкома

Тот сумрачный конец 54-го года, предзимье, было чрезвычайно важным для всей моей дальнейшей жизни. Моё внезапное возвышение только для меня казалось случайным, на самом деле оно было необходимым, потому что над страной ещё нависала последний год с небольшим чрезвычайщина. Вот рождение моё именно 12 октября, почему не взяли в первый класс в 46-м, было случайностью, как и всякое рождение. Был бы я годом старше к 54-му, то не действовал бы, не задумываясь, методами чрезвычайщины – и не знал бы на опыте её возможности; был бы годом моложе – не захватил бы уже сталинскую эпоху, не ощутил бы её вкус, сладость её для юных честолюбцев, вообще не ощутил бы сути послереволюционного времени всего, когда молодые и даже мальчишки делали большие дела и кроме них, пожалуй, не сделал бы никто

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.